

Начало августа вот уже который год связывается с воспоминанием о многих замечательных людях: архимандрите Таврионе (Батозском), митрополите Антонии (Блуме), А.И. Солженицыне... Сейчас в этот ряд добавилось имя про-

тоиерея Павла Адельгейма, убийство которого потрясло всю страну, не только людей церковных, но и всё общество. Вслед за многими людьми, сказавшими слово о его уходе, мы в этом номере очень много говорим об о. Павле. Сама

попытка осмысления происшедшего события, по слову одного из участников отпевания и погребения о. Павла, явилась началом «цепной реакции любви». И воспоминание об этом удивительном человеке позволило по-новому просиять

образам его прежде ушедших великих современников, равно как и просто, светло, по-христиански помянуть некоторых других, не столь известных людей, также почивших в эти дни.

Убит отец Павел Адельгейм

Молодой человек, которого он приютил у себя дома, ударил его ножом в сердце

Много лет назад, отвечая на наш вопрос: «Почему сейчас много говорят лишь о новомучениках 1920-х – 1930-х годов, а исповедников более позднего времени называют “церковными диссидентами”, почему их опыт и свидетельство не признаётся и не принимается?» – о. Павел ответил:

«Одну из причин неприязни к исповедникам и мученикам последних десятилетий объясняет А.С. Пушкин: “Они любить умеют только мёртвых”. И Пушкин не первый. Господь Иисус Христос говорил: “Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников, и говорите: если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в пролитии крови пророков. Таким образом вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избили пророков. Дополняйте же меру отцов ваших” (Мф 23:29–32). И они дополнили, распяв Сына Божия.

Во-вторых, человек, который хранит верность истине, принципиальный в словах и поступках, обличает конформизм фактом своего существования. Такой человек неудобен и от него следует избавиться. Прославляя древних подвижников и мучеников, мы приобщаемся к их славе даром, “на халяву”. Прославляя современных нам праведников, подчёркиваем собственную несостоятельность.

Ходить бывает склизко по камешкам иным, итак, о том, что близко, мы лучше умолчим...

– объясняет автор “Истории государства Российского”. Приспособленчество цинично. Зачем нам звание героев посмертно? Гораздо лучше хвалить начальство и есть хлеб с маслом.

Теряем мы при этом свойства образа Божия в человеке: честь, совесть, благородство, бескорыстие и великодушие, то есть расчеловечиваемся и обретаем образ звериный».

Эти слова, определяющие главное в жизни и служении о. Павла, говорят о том, что во многих из опубликованных в последние дни материалов о его гибели старательно выносятся за скобки. Появляющиеся на интернет-ресурсах и в печатных изданиях образы или церковно-политического диссидента, или хорошего, милосердного батюшки, каких много – «неформатного», но доброго, истинного и верного – в той или иной степени оказываются далеки от хорошо знакомого нам по истории церкви образа ПРАВЕДНИКА.

Не дерзая «размышлять» о дорогом нам отце и брате, перешедшем ныне туда, где нет преследований, клеветы и оскорблений, куда не достигнет даже произнесенная с благостной миной ложь (а этой лжи, фальши и полуправды в последние дни было произнесено, начиная с проповеди у гроба, и напечатано столько, что вынести это очень тяжело, почти невозможно), – мы собрали лишь несколько говорящих свидетельств и воспоминаний.

Окончание на с. 6–7

Священник Георгий Кочетков: «Он был человеком веры, надежды и любви»

Слово на литии по протоиерею
Павлу Адельгейму

Будем петь «Вечную память» нашему дорогому брату отцу Павлу Адельгейму, человеку великого духа, человеку, не просто много страдавшему: мало ли людей, которые на нашей земле много страдали и страдают? Не просто много страдавшему, не просто страдавшему несправедливо, не просто страдавшему в третьем поколении от безбожной жизни, от безбожной власти. Но мы воспеваем эту «Вечную память» человеку, который никогда не опускал рук, никогда не складывал оружия. Человеку удивительному не просто по силе воли своей, а по своей решимости вести духовную брань «против начальств, против властей, против духов злобы поднебесных», как говорит об этом апостол Павел.

Мы давно знали и знаем, что всякий, кто хочет жить благочестиво, будет гоним. Но когда сталкиваешься с такими людьми, как отец Павел, вдруг начинаешь видеть, насколько ты сам ещё ничего не сделал, насколько ты часто отступаешь перед первой же трудностью, внутренней или внешней. Начинаешь видеть, к какой высоте жизни призвал нас всех Господь и насколько мало мы этот дар и призыв воспринимаем и реализуем в своей жизни.

Отец Павел завершает собой эпоху исповедников и новомучеников российских, скажем точнее – старой России. Таких людей больше нет на нашей земле. Но вряд ли они найдутся и где-то ещё.

Такие люди – это люди-эпохи. Таким человеком-эпохой был, скажем, ещё Сергей Сергеевич Аверинцев, тоже член нашего Преображенского братства, как и отец Павел, о чём мы можем сказать сейчас не столько с гордостью, сколько с трепетом. Такой эпохой был митрополит Антоний Сурожский.

Мы вспоминаем отца Павла как человека необыкновенной честности, открытости, прямоты, благородства. Его невозможно было бы назвать попом или жрецом. Он не просто честно исполнял свои обязанности. Он жил пред Богом, пред лицом Божиим так, как положено жить ученику Христову. Без страха, без всего того, что принижает человека, пригибает его к земле или раздваивает, или затемняет. Он был удивительно светлым человеком, человеком веры, надежды и любви. В нём была удивительная, точная память, в нём была потрясающая жертвенность. В нём был дух молитвы и жалости и, конечно, удивительные смирение, терпение, послушание слову Божьему.

Окончание на с. 6

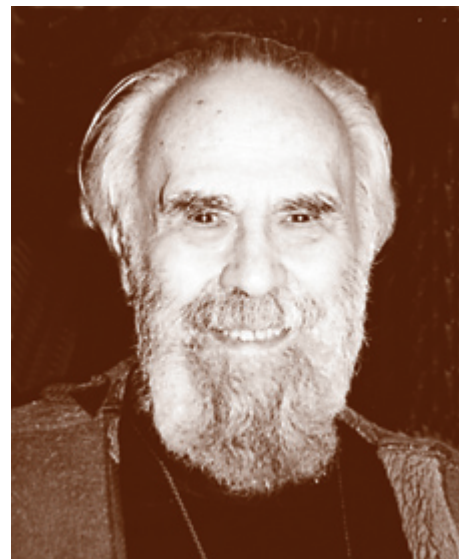
Свидетель Встречи

Исполнилось десять лет
со дня кончины митрополита
Сурожского Антония

Десять лет назад, 4 августа 2003 года, через пять дней после установления Синода об увольнении его на покой, в лондонском хосписе скончался не только старейший на тот момент по дате хиротонии, но – по общему признанию – лучший из архиереев Русской православной церкви. Он был основателем Сурожской епархии, которая при его жизни оставалась свидетельством возможности успешной и плодотворной миссии Православия – как и возможности жить по Уставу Поместного собора 1917–1918 года; почти десять лет он был патриаршим Экзархом Западной Европы (пока не был снят с этого поста в 1974 году по настоянию советских властей – за сочувственные высказывания о Солженицыне); в юности он был военным врачом на фронтах Второй мировой и потом во французском Сопротивлении; был членом РСХД, выпускником Сорбонны, тайным монахом... Но самое главное – он был и остался для великого множества людей собеседником и другом, тем, кто рассказывал им о том, что такое Встреча.

Говоря об этом, невозможно не повторить, хотя бы вкратце, хорошо всем известный рассказ о его собственном обращении.

«...Случилось так, что Великим постом какого-то года, кажется, тридцатого, нас, мальчиков, стали водить наши руководители на волейбольное поле. Раз мы собрались, и оказалось, что пригласили священника провести духовную беседу с нами, дикарями. Ну, конечно, все от этого отлынивали как могли: кто успел

сбежать – сбежал; у кого хватило мужества воспротивиться вконец – воспротивился; но меня руководитель уломал. Он меня не уговаривал, что надо пойти, потому что это будет полезно для моей души или что-нибудь такое, потому что, сошлись он на душу или на Бога, я не поверил бы ему. Но он сказал: “Послушай, мы пригласили отца Сергея Булгакова; ты можешь себе представить, что он разнесёт по городу о нас, если никто не придёт на беседу?” Я подумал: да, лояльность к моей группе требует этого. А ещё он прибавил замечательную фразу: “Я же тебя не прошу слушать! Ты сиди и думай свою думу, только будь там”. Я подумал, что, пожалуй, и можно, и отправился. И всё было действительно хорошо; только, к сожалению, отец Сергей Булгаков говорил слишком громко и мне мешал думать свои думы; и я начал прислушиваться, и то, что он говорил, привело меня в такое состояние ярости, что я уже не мог оторваться от его слов; помню, он говорил о Христе, о Евангелии, о христианстве.

Окончание на с. 4

Межсоборное присутствие

О формах развития епархиальной и приходской жизни

На заседании комиссии Межсоборного присутствия по вопросам церковного управления. Возглавляет заседание митрополит Саранский и Мордовский Варсонофий. Первый справа профессор СФИ Д.М. Гзгзян.

19 июля 2013 года в Патриаршей и Синодальной резиденции в Даниловом монастыре Москвы прошло очередное заседание комиссии Межсоборного присутствия по вопросам церковного управления и механизмов осуществления соборности в Церкви. Встречу возглавил управляющий делами Московской Патриархии, председатель комиссии митрополит Саранский и Мордовский Варсонофий. Участники изучили материалы, подготовленные экспертами в первом полугодии 2013 года, по двум темам: «Процедура и критерии избрания кандидатов во епископы», «Границы приходов и членство в приходе». По итогам состоявшейся дискуссии будут созданы проекты, которые затем, согласно процедуре, прописанной в Положении о Межсоборном присутствии, будут переданы в аппарат этого совещательного органа Московского Патриархата.

Патриархия.гу
Фото с сайта Патриархия.гу

В Межсоборном присутствии создаются документы, посвящённые церковной заботе о малоимущих и инвалидах, а также формам организации сестричеств и братств диаконической направленности

3 июля в Издательском совете под председательством митрополита Калужского и Боровского Климента состоялось заседание комиссии Межсоборного присутствия по вопросам организации церковной социальной деятельности и благотворительности.

Открывая очередную встречу членов комиссии, митрополит Климент подчеркнул, что служение на ниве помощи инвалидам и их семьям должно быть Церковью расширено, необходимо знакомить церковных социальных работников с опытом, имеющимся в ряде епархий. Он особо отметил опыт Санкт-Петербургской епархии, где 22 апреля 2013 года прошёл круглый стол, посвящённый церковной заботе об инвалидах. Участники круглого стола не только обсудили, как будет развиваться помощь инвалидам на общецерковном, епархиальном и приходском уровнях и как Церковь будет расширять социальную, психологическую, медицинскую, консультативную, духовную и материальную поддержку людей с ограниченными возможностями и их семей, но и посетили дом-интернат № 4 для детей со множественными нарушениями развития в г. Павловске, где была представлена уникальная совместная работа с юными пациентами прихода святой Марии Магдалины и благотворительно-го общества «Перспективы».

В ходе заседания комиссии обсуждались проекты документов «Разработка

подходов к осуществлению церковной заботы о малоимущих», «Разработка подходов к осуществлению церковной заботы об инвалидах», «Положение об организации сестричеств и братств диаконической направленности», а также порядок дальнейшей работы комиссии.

Обсуждая вопрос о церковной помощи малоимущим, члены комиссии отметили, что в категорию нуждающихся входят самые разнообразные социальные группы: семьи с низким уровнем дохода, бездомные, инвалиды, временно нетрудоспособные. В России и странах СНГ в их число нередко попадают и те, кто обычно в специальной помощи не нуждается (медицинские работники, технические специалисты, работники сельского хозяйства), но имеют низкий уровень дохода. Церковь оказывает не только материальную помощь, но и психологическую поддержку, предоставляет юридические консультации, помогает в поисках работы.

Отмечалось, что среди людей, оказавшихся в критической ситуации, выпускников детских домов, лиц, освобождённых из заключения, необходимо проводить профилактическую работу, которая помогла бы им восстановить или создать социальные связи и самостоятельно решать свои материальные проблемы.

Рассматривая документ о помощи инвалидам, члены комиссии обратили особое внимание на необходимость

В доме-интернате для детей со множественными отклонениями в развитии. Павловск, апрель 2013 г.

помощи семьям, в которых воспитываются дети-инвалиды, и предложили продумать систему организации социального сопровождения таких семей силами церковного прихода.

Патриархия.гу
Фото с сайта «Вода живая»

Православие за рубежом

Скончалась К.М. Покровская, основатель общества «Изограф»

на 72-м году жизни скончалась Ксения Михайловна Покровская, известный иконописец и в течение многих лет ведущий представитель искусства православной иконописи в Новом Свете.

До своего переезда в США в июне 1991 года Ксения Михайловна жила в Москве, будучи коренною москвичкой. Она закончила физический факультет МГУ, стала биофизиком, но ещё с юности рядом с занятиями наукой происходили духовные искания, которые вскоре привели к крещению и деятельной жизни в вере. Эта жизнь развивалась в двух главных руслах, очень близких. Одним из них были

тесные отношения с духовным отцом, которым с 1966 года стал о. Александр Мень. То был редкий род отношений – наряду с духовным руководством, они были наполнены большой личной дружбой, которая длилась до самой гибели о. Александра. Домик семьи Покровских в пригородном Перове о. Александр назвал «Новым ковчегом» – здесь находили приют многие ищущие духовных путей и шли пылкие дискуссии, здесь был один из очагов не политического, а духовного противостояния богоборческому режиму.

Вместе с тем уже в 1960-е годы Ксения Михайловна обращается к иконописанию. У неё обнаруживается большой, серьёзный талант, но возможности обучения, школы практически не было тогда. Истово, неустанно она училась сама, и так успешно, что когда значительно позднее состоялась ее счастливая встреча с истинною хранительницей традиции Марией Николаевной Соколовой (тайной монахиней Иулианией), та могла ей сказать: «Но Вас нечему учить!» Обладая и богословскою эрудицией, Ксения

Михайловна размышляет о богословии иконы, о природе творчества иконописца, и в её практике это приводит к появлению новых иконных типов, новых творческих решений, сочетаемых со строгою верностью традиции. Вскоре же раскрывается и ещё одно её дарование, педагогическое. Способность и стремление Ксении Михайловны передавать выработанное ею искусство приводит к появлению у неё многочисленных учеников, а с первыми же проблесками свободы в стране по её инициативе возникает общество иконописцев «Изограф».

По переезде в Америку она в новой форме возрождает там «Изограф». Параллельно с писанием икон, росписью храмов она неустанно обучает своему искусству, проводит в разных местах Америки ежегодные мастерские по иконописанию. Выучку её прошли сотни учеников со всего света, которые любили её и душевно привязывались к ней.

Ксения Михайловна Покровская оставила большое, прекрасное наследие. Целый ряд иконных сюжетов был впер-

вые исполнен ею: Собор всех Североамериканских святых, икона к Тысячелетию Крещения Руси, икона к прославлению Святейшего патриарха Тихона и др. Её работы, получившие общее признание, ныне находятся во многих и многих православных храмах, начиная с храма Христа Спасителя в Москве. Наследие это войдёт в сокровищницу Православия. А в душе её близких и всех, кому довелось её знать, останутся навсегда её редкие, замечательные качества, её ум и огромное человеческое обаяние.

Семья и родственники К.М. Покровской; о. Александр Борисов и матушка Нонна; о. Михаил Аксенов-Меерсон и матушка Ольга; о. Николай Ведерников; о. Андрей Борода; о. Виктор Потапов и матушка Мария; о. Михаил Геронимус и матушка Елена, матушка Лидия Геронимус; Алексей Цвелик, профессор; С.С. Хоружий; Людмила Улицкая, писатель; Светлана Долгополова; Андрей Гриб; Елизавета Муравьева; Ирина Белякова, иконописец; Ольга Стеблин-Каменская, иконописец; Наталия Ермакова, иконописец; Владимир Ерохин; Владимир Ильич Илюшенко; Олег Степурко, джазист; Александр Зорин; Людмила Губарева

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).

Главный редактор:
А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции:
kifa@list.ru
gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Ирина Кольцова, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова

Дизайн и верстка: Марина Подкопаева

Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Газета издается с октября 2002 г.

Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:

в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81.

Телефоны распространителей

Москва:
+7-964-534-64-55
(Александра Ошарина),
+7-965-146-14-56
(Анна Гринман),
+7-965-128-15-07
(Марина Чиркова)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-3981
(Анастасия Наконечная)

США, Канада: 1-651-210-4922,
oleg@voskres.net

(Олег Воскресенский)

Архангельск: +7-921-073-3276

(Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-1137

(София Кудряцева)

Воронеж: +7-950-763-5035

(Александр Терехов)

Екатеринбург: +7-904-388-0391

(Татьяна Благодарева)

Рязань: +7-920-632-06-71

(Сергей Гаврилов)

Северодвинск: +7-964-296-9042,

(Татьяна Колпакова)

Тверь: +7-909-266-88-83,

+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)

Тула: +7-920-746-69-73

(Марина Писаревская)

Электросталь: +7-926-787-4305

(Ольга Кузнецова)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.

Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Сущевский вал, д. 49.

Тираж 1350. Цена свободная.

Выпуск подписан в печать 26 августа 2013 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.

Дата выхода в свет 28 августа 2013 г.

gazetakifa.ru

Новости православных братств

Как обрести светлую память

В Камышине прошла очередная встреча о новомучениках, подготовленная членами Преображенского братства

4 августа на втором этаже новой колокольни Никольского кафедрального собора Камышина состоялась очередная встреча из цикла встреч, посвященных памяти новомучеников и исповедников.

Провели её гости из Москвы и Воронежа – члены молодежного «Круга» Преображенского братства. После вступительного слова священника Александра Ефимова прихожане и гости посмотрели документальный фильм о Бутовском полигоне. Ведущий встречи Дмитрий Писарев, член молодёжного «Круга» из Москвы, предложил поговорить о том, почему правда о страшной истории XX века так трудно воспринимается в современном обществе и каждым лично. Тема взволновала всех участников беседы, ведь редко какую семью в бывшем СССР не затронули политические репрессии. У многих присутствующих были репрессированы родственники: кого-то раскулачили, кого-то сослали за веру, кого-то посадили в тюрьму или лагерь или расстреля-

ли за «непролетарское происхождение».

Как характерную черту эпохи все отметили, что об этих родственниках, даже погибших в лагерях за веру, в семьях чаще всего умалчивали и не рассказывали детям, внукам и правнукам об этом из-за страха «испортить им жизнь». Например, в анкетах в графе «родственники» оставляли пустое место, чтобы иметь возможность учиться и работать. Также были свидетельства о том, что порой люди, узнав о том, что их родственники раскулачивали других или организовывали репрессии, не знали, как им теперь с этим жить дальше, и скрывали этот факт от детей. Но, как отметили участники встречи, память о темных страницах нашей истории может стать светлой памятью, преобразующей жизнь, если мы найдем в себе силы для покаяния, для изменения нашей жизни.

Во время встречи несколько раз прозвучали слова о том, что именно память о новомучениках и исповедниках Русской церкви, о тысячах других

безвинно пострадавших людей, стала для многих молодых людей первым шагом к духовному пробуждению. Ксения Архипенко, член молодежного «Круга», свидетельствовала о том, что именно после поездки на Бутовский полигон вместе с другими молодыми людьми для помощи в уборке мемориала у нее первый раз появился внутренний вопрос о смысле жизни. Поиск ответа на этот вопрос привел ее в церковь.

В конце встречи, которая продолжалась более двух часов, прихожане собора отметили, что такой интерес к новомученикам и исповедникам и вообще к истории нашей страны редко встречается у молодого поколения, и им радостно видеть верующих молодых людей, которые стремятся своей верой и надеждой поделиться с другими.

Справка

Бывший стрелковый полигон НКВД в Бутово известен как одно из мест массовых расстрелов и захоронений жертв репрессий в 1930–1950-е годы. Только

в период Большого террора, с августа 1937 по октябрь 1938 года, здесь было расстреляно 20 765 человек – в основном жителей Москвы и Подмосковья. Всего на Бутовском полигоне были казнены 739 священнослужителей Русской православной церкви: 1 митрополит, 2 архиепископа, 4 епископа, 15 архимандритов, 118 протоиереев, 14 игуменов, 52 иеромонаха, 363 священника, 60 диаконов (в том числе 4 протодиакона и 1 архидиакон), 10 монахов, 58 монахинь (в том числе 3 схимонахини), 14 послушников и послушниц, 8 священнослужителей (без уточнения сана). За веру на Бутовском полигоне были расстреляны и 219 мирян (псаломщики, чтецы, регенты, певчие, церковные старосты, иконописцы, члены церковных советов, уборщицы храмов, церковные сторожа).

Информационная служба Преображенского братства

Юбилей

Что произошло за 25 лет, прошедших после тысячелетия Крещения Руси

Интервью со священником Георгием Кочетковым

Во многих городах России прошли торжества в честь 1025-летия Крещения Руси. Наиболее торжественно памятная дата отмечалась в Москве, Киеве и Минске. Как сообщает служба коммуникации ОВЦС, в день памяти равноапостольного князя Владимира на соборной площади Киево-Печерской лавры Божественную литургию совершили предстоятели Поместных православных церквей, которым сослужили главы делегаций Поместных церквей, епископат и духовенство Русской православной церкви. Важные встречи прошли в Москве и Минске (об их содержании немного рассказывается в приложении к номеру).

Мы попросили ректора Свято-Филаретовского института профессора священника Георгия Кочеткова ответить на несколько вопросов в связи с праздничной датой.

Отец Георгий, сегодня большое внимание уделяется празднованию 1025-летия Крещения Руси. Каково, на Ваш взгляд, значение этого события для Русской православной церкви?

Говорить о значении празднования, думаю, еще рано. Конечно, дата немножко странная. Что такое 1025 лет? Тысяча и двадцать пять – это какие-то несоизмеримые величины. Мы не праздновали круглые даты – пятидесятилетия и столетия, – а сейчас празднуем 1025-летие. Наверное, здесь надо искать какой-то глубинный смысл. Я полагаю, это празднование связано с желанием посмотреть, что произошло после 1000-летия Крещения Руси. Тогда это была действительно значительная, важная дата, хотя и не очень усвоенная в нашем народе, не очень осознанная. Люди делали слишком мало выводов из того, к чему призывал этот праздник, вернее, из того, что он означал, тем не менее, нам всем памятно празднование тысячелетия, этого миллениума христианства на Руси. Теперь, конечно, нужно посмотреть, что произошло за четверть века, потому что именно после празднования тысячелетия Крещения Руси в церкви и в стране стали происходить серьезные изменения, которые обозначают глубинный сдвиг в пластах нашей истории. Может быть, значение этого праздника и заключается в том, что нужно подвести итог нашего четвертьвекового развития. Эту же идею мы можем найти и в послании патриарха Кирилла, посвященном

этой дате. По-моему, это самый естественный ход мысли.

1000-летие Крещения Руси праздновалось совсем в других условиях. Как происходило само празднование, как оно воспринималось верующими и неверующими? Какие у людей были надежды? Что из них осуществилось?

Если возвращаться мысленно – в сердце своем, в памяти – к тому, что происходило четверть века назад, то надо сказать, что какие-то ожидания действительно были. Я думаю, они были у всех – и у тех, кто очень не хотел какого-либо воспоминания о церкви в советских условиях жизни, даже под самый закат этой эпохи, уже в период перестройки, и у тех, кто хотел всё-таки обрести какое-то историческое чувство, историческую память, утерянную, к сожалению, в советское время во всем советском обществе. Эта память сохранялась, скорее, или как обращение назад, к прошлому, к дореволюционной России, или в отношении истории других народов и стран, особенно Западной Европы, Америки, Израиля. Это казалось тогда более стабильным и надёжным. А вот история в нашей стране, в нашем народе, как бы потеряла свой смысл и дух после Октябрьской революции 1917 года и окончательно завершила свой видимый бег к середине XX века. Началось какое-то безвременье, внеисторическое существование, некая историческая пустота. Духовные события происходили всегда – явно или неявно, чаще неявно, невидимым образом, – но история требует воплощённости, она требует некоторого единства, некоторой устремленности к какой-то единой цели. Вот этого как раз в нашей стране, начиная с послевоенных времен, с середины XX века, уже не было. И народ, конечно, чувствовал, что он живёт в стране, которая не страна, в народе, который не народ, в том социальном строе, который нельзя назвать всерьез социальным, то есть общественным строем.

Конечно, что-то из этого осталось и до сих пор. До сих пор есть пережитки советского прошлого во всех слоях нашего общества, снизу доверху – и в церкви, и в народе, точнее, в людях. Есть та же раздробленность, то же от-

сутствие единства, то же беспамятство, та же неустремлённость вперёд. Нет осмысленной цели существования, нет понимания того, что является главными жизнеобразующими средствами нашей жизни. Это всё сохранилось. В общем-то, безвременье, конечно, осталось.

Но как раз благодаря церкви эти вопросы обостряются, они как бы обнажаются, становятся более явными. Эти провалы, эти проломы в исторической памяти, эти утраты со временем начинают быть ощутимыми, видимыми.

Какие позитивные изменения, на Ваш взгляд, произошли в жизни церкви за двадцать пять лет? Изменилось ли отношение к миссии, к катехизации, к общинно-братской жизни?

Это очень важный вопрос. Теперь все говорят о миссии и катехизации и снова, слава Богу, после длительного забвения и даже отторжения, заговорили об общинах и братствах. Нельзя сказать, что все всё принимают или, тем более, понимают, но нельзя сказать, и что сейчас это что-то запрещённое, или совсем неработающее, или не имеющее перспектив в церкви. Именно в церкви в целом, как в едином организме. Да, церковь, как и общество, раздвоена, растроена, раздроблена. Да, церковь внутренне не едина, и нужны еще серьезные духовные усилия, чтобы принять дар Божий, принять волю Божью о себе, чтобы трезвенно смотреть как на своё прошлое, так и на своё настоящее и будущее. Это всё не просто, это дело будущего. Тем не менее, изменения произошли большие.

И конечно, здесь надо с благодарностью вспомнить всех тех, кто послужил и служит этому делу, независимо от своего положения, вплоть до самого высокого в церкви. Я думаю, мы должны с радостью принимать то, что уже открыты возможности хотя бы для «пробы пера», для начала обсуждения практики миссии и катехизации, работы с молодёжью, социальной работы. Мы должны понимать, что общинно-братская жизнь – это самое трудное, что предстоит ещё принять церковному сознанию, потому что пока оно ещё слишком институционализировано, слишком активно оперирует понятиями социальными, объективированными, часто формаль-

ными, холодными, мёртвыми. Надо ещё научиться говорить на другом языке, и тогда будет больше взаимопонимания. Пока его недостаточно, да и механизмы обсуждения в церкви серьёзных проблем ещё как следует не выработаны. Но всё-таки надежда есть. Думаю, что Господь не оставит нас, не оставит нашу церковь – как её каноническое и иерархическое руководство, так и весь народ, хотя он пока ещё нередко пребывает во тьме невежества, предрассудков и суеверий, когда вторичные святости или вообще вещи спорные и неоднозначные выходят на первое место в жизни тех, кто считает себя православными.

Меня порадовало, что недавно снова заговорили о братствах, правда, больше в благотворительном, социальном контексте, что и понятно: с этого обычно и начинают. Это тоже важно. Если будут братства, будут сестричества, то, может быть, церковь когда-нибудь вспомнит и об основах своего жития-бытия в истории, о том, что без общин, без братств церковь существовать не может. Не может она состоять из одних только епархий, митрополий, экзархатов, автономных и автокефальных церквей, благочиний и приходов, не может она состоять только из монастырей и духовных школ – нет, этого недостаточно. Есть более глубокие пласты жизни, которые не охватываются только лишь институтами. Есть тот дух любви и свободы от Бога, который творит себе иные формы. Это, я считаю, необходимо связать именно с общинно-братским движением в церкви. Я очень надеюсь, что в будущем как миссия и катехизация, так и общинно-братское устройство христианской православной жизни всегда будет носить неформальный, личностный характер и будет действительно приводить людей к Богу, а не просто в храм, не просто к тому или иному священнику, к тем или иным текстам или той или иной форме музыкальных произведений, иконописи и т. д. В будущем, я уверен, мы не будем путать Христа и христианскую культуру, христианскую общину и церковное общество; не будем путать иерархическую структуру и каноническое, иерархическое возглавление с главенством Христа и Духа Святого в наших сердцах. Вот об этом я и молюсь в этот день.

Беседовала Анастасия Наконечная
Информационная служба Преображенского братства

Свидетель Встречи

Начало на с. 1

Исполнилось десять лет со дня кончины митрополита Сурожского Антония

Он был замечательный богослов, и он был замечательный человек для взрослых, но у него не было никакого опыта с детьми, и он говорил, как говорят с маленькими зверятами, доводя до нашего сознания всё сладкое, что можно найти в Евангелии, от чего как раз мы шарахнулись бы, и я шарахнулся: кротость, смирение, тихость – все рабские свойства, в которых нас упрекают, начиная с Ницше и дальше. Он меня привёл в такое состояние, что я решил не возвращаться на волейбольное поле, несмотря на то, что это была страсть моей жизни, а ехать домой, попробовать обнаружить, есть ли у нас дома где-нибудь Евангелие, проверить и покончить с этим; мне даже на ум не приходило, что я не покончу с этим, потому что было совершенно очевидно, что он знает своё дело, и, значит, это так...

И вот я у мамы попросил Евангелие, которое у неё оказалось, заперся в своём углу, посмотрел на книжку и обнаружил, что Евангелий четыре, а раз четыре, то одно из них, конечно, должно быть короче других. И так как я ничего хорошего не ожидал ни от одного из четырёх, я решил прочесть самое короткое. И тут я попался; я много раз после этого обнаруживал, до чего Бог хитёр бывает, когда Он располагает Свои сети, чтобы поймать рыбу; потому что прочти я другое Евангелие, у меня были бы трудности; за каждым Евангелием есть какая-то культурная база; Марк же писал именно для таких молодых дикарей, как я, – для римского молодняка. Этого я не знал – но Бог знал. И Марк знал, может быть, когда написал короче других...

И вот я сел читать; и тут вы, может быть, поверите мне на слово, потому что этого не докажешь. Со мной случилось то, что бывает иногда на улице, знаете, когда идёшь – и вдруг повернёшься, потому что чувствуешь, что кто-то на тебя смотрит сзади. Я сидел, читал, и между началом первой и началом третьей глав Евангелия от Марка, которое я читал медленно, потому что язык был непривычный, вдруг почувствовал, что по ту сторону стола, тут, стоит Христос... И это было настолько разительное чувство, что мне пришлось остановиться, перестать читать и посмотреть. Я долго смотрел; я ничего не видел, не слышал, чувствами ничего не ощущал. Но даже когда я смотрел прямо перед собой на то место, где никого не было, у меня было то же самое яркое сознание, что тут стоит Христос, несомненно. Помню, что я тогда откинулся и подумал: если Христос живой стоит тут – значит, это воскресший Христос. Значит, я знаю достоверно и лично, в пределах моего личного, собственного опыта, что Христос воскрес и, значит, всё, что о Нём говорят, – правда. Это того же рода логика, как у ранних христиан, которые обнаруживали Христа и приобретали веру не через рассказ о том, что было от начала, а через встречу с Христом живым, из чего следовало, что распятый Христос был тем, что говорится о Нем, и что весь предшествующий рассказ тоже имеет смысл.

Этим и другими открытиями он щедро делился с другими (одно из таких открытий как раз и состояло в том, что «можно жить ни для чего иного как для

того, чтобы поделиться с другими тем чудом, которое я обнаружил; что есть, наверное, тысячи людей, которые об этом не знают, и что надо им скорее сказать») в своих проповедях, в своих книгах, в своих выступлениях. Он рассказывал об уважении и бережном отношении Бога к человеку: если люди готовы друг друга затоптать в грязь, то Бог этого никогда не делает; о том, что Бог – и такова природа любви – так нас умеет любить, что готов с нами разделить всё без остатка: не только тварность через Воплощение, не только ограничение всей жизни через последствия греха, не только физические страдания и смерть, но и самое ужасное, что есть, – условие смертности, условие ада: боголишенность, потерю Бога, от которой человек умирает; что именно поэтому нашего Бога, христианского Бога, можно не только любить, но и уважать...

Сегодня мы не можем не сказать с горечью, что, по мнению многих людей, за минувшие десять лет почти ничего не осталось от той Сурожской епархии, которую он неутомимо строил всю свою жизнь. Что даже в Успенском соборе Лондона, где он был настоятелем без малого пятьдесят лет, почти не сохранилось памяти о нём. Что многочисленные конференции, посвящённые его наследию, милые и тёплые, имеют мало общего с тем огнём и дерзновением, которые отличали его при жизни и к которому так тянулись изголодавшиеся по подлинности души постхристианского западного и особенно постсоветского мира. Что с наследием наших великих

старших современников мы обходимся не менее бездумно и небрежно, чем с наследием новомучеников и исповедников...

Может быть, именно поэтому хочется вновь и вновь обращаться к тем его текстам, которые трудно не воспринимать как завещание нам, живущим в третьем тысячелетии христианской эры.

Материал подготовила
Александра Колымагина

Я думаю, что сейчас у Церкви долгий кризис...

Фрагмент беседы митрополита Антония с участниками конференции Сурожской епархии

У меня очень ясное, яркое чувство – нет, скорее тёмное чувство, – что, вступая в третье тысячелетие, мы вступаем в какую-то тёмную, сложную, в некотором смысле нежеланную пору. Что касается до церковности, вера должна оставаться цельной, но мы не должны бояться думать свободно и высказываться свободно. Всё это в своё время придёт в порядок; но если мы будем просто без конца повторять то, что было сказано раньше, давно, то всё больше и больше людей будут отходить от веры (я сейчас не столько о России думаю, сколько вообще о всем мире); и не потому что то, что раньше говорились, неверно, а потому что – не тот язык и не тот подход. Люди другие, времена другие, думается по-иному. И мне кажется, что надо вкореняться в Бога и не бояться думать и чувствовать свободно. «Свободно» не означает свободомыслия или презрения к прошлому, к традиционному, но – Бог рабов не хочет. «Я вас не называю больше рабами, я вас называю друзьями»... И мне кажется это страшно важным: что мы могли бы думать и с Ним делиться. Есть очень многое, чем мы могли бы делиться с Ним в новом мире, в котором мы живём. Это очень хорошо и важно – думать свободно, не стараясь приспособливаться; нужно, чтобы люди мыслящие и с широкой восприимчивостью думали и писали.

Часто Церковь – я говорю о духовенстве и тех людях, которые себя считают сознательными мирянами, – испуганы, боятся сделать что-то «не то». После всех этих лет, когда не было возможности свободно думать и говорить друг с другом и как бы перерастать XIX век, очень много страха и желания непременно только повторять то, что уже принято и как бы стало языком Церкви и мыслью Церкви. Это должно рано или поздно перемениться.

Так что у Церкви сейчас период, когда она, как мне кажется, с одной стороны, старается быть сугубо традиционной, а с другой стороны, люди всё-таки, во-первых, не подготовлены к этому, а во-вторых, некоторые начинают думать – и им не помогают думать. (Я говорю в целом, не об отдельных людях.) И не упускаем ли мы момент, данную нам возможность стать из церковной организации – Церковью?

Сам я дошёл сейчас до такой черты, когда учёности или богословского образования всё равно не могу получить, не могу усовершенствоваться, и хочу говорить только о том, что созрело у меня в душе. Если по форме многим это кажется неприемлемым, то по существу, думаю, это не неприемлемо. Думаю, по существу я не отхожу от духа Церкви, от духа святоотеческого и т. д., но говорю на другом языке, другим людям. Я думаю, что то же самое говорили о многих отцах. Уж не беря Кирилла Александрийского, но о целом ряде других: «новшество, фантазерство...» Этих слов тогда не было, но подход был такой. Я думаю, что сейчас у Церкви долгий кризис...

Когда кончилась советская Россия как таковая, я не то Патриарху, не то кому-то писал: не ожидайте быстрых перемен в сознании людей. Сейчас происходит то, что случилось, когда евреи покинули Египет. Они вышли на свободу, а свобода оказалась совсем нежеланной. Все говорили: к чему мы ушли? где котлы, полные мяса и вкусных вещей? Теперь у нас только песок вокруг да ещё что-нибудь, что мы словим... Это одно. И второе: перейти из Египта в землю обетованную можно было в несколько дней, ну неделю. Они бродили сорок лет. Почему? Потому что Бог им определил бродить, пока не умрёт всё поколение, которое выросло в рабстве, и пока не вырастет то поколение, которое вы-

росло на свободе и в совершенно дикой обстановке, где была только вера в Бога и ничего другого. По дороге они забрели на Синай и получили Десятизаконие, но всё рабское поколение должно было уйти.

И мне кажется, что то же самое с Церковью. После всех этих лет, когда можно было Церкви продолжать существовать только крайней верностью всей форме, конечно, очень страшно начать думать и начать ставить вопросы. Удивительно, что в древности отцы Церкви только тем и занимались, что вопросы ставили. Если они ответы давали, то потому, что сами же и вопросы ставили. Ответы не падали с неба на несуществующие вопросы. Причём это вопросы, которые были обращены к людям, окружённым язычеством, т. е. совершенно инородным опытом и инородным мировоззрением. И вот нам надо это принять в учёт. В христианской стране сейчас никто не живёт. Есть герои духа и люди, верные Евангелию, и т. д., но говорить о странах, что они христианские или не христианские, больше не приходится. Так же как неверно говорить, скажем, о русском православии.

Скажем, здесь (в Лондоне) меня сейчас очень упрекает целая группа людей (не очень многочисленная): вы, де, изменили русскому православию, потому что строите не Русскую Церковь. А я с самого начала говорил: мы строим Церковь, как можно больше похожую на первоначальную древнюю Церковь, когда людей, абсолютно ничего общего между собой не имущих, одно только соединяло: Христос, их вера. Стояли рядом раб и господин, люди всех возможных языков. К этому я стремился здесь: чтобы люди какие угодно могли прийти и сказать – да, у нас общее одно: Бог. И мне кажется, что в этом – разрешение проблемы. Потому что если мы начинаем говорить о русском, греческом или ином право-

славии, мы теряем людей. Дело не в том, что «мы» как приходы теряем людей. Но ещё сорок с лишним лет назад я говорил с епископом Иаковом Апамейским, очень хорошим человеком, священником. Он мне говорил: знаете, мы теряем полтора человека молодёжи в год, потому что они отбились от греческого языка... Я спрашиваю: почему их не посылать к нам? – Нет, мы предпочитаем, чтобы они пропали, чем их передать в «чужую» Церковь... Вот против чего я боролся и буду бороться. Потому что нам нужны верующие – люди, которые встретили Бога. Я не говорю в грандиозном смысле; не каждый может быть апостолом Павлом, – но которые хоть в малой мере могут сказать: я Его знаю! И он, и она, они тоже нечто подобное знают, и мы можем вместе стоять, даже если у нас обычаи иные. А обычаи – тоже вещь такая, которая перерабатывается не сразу.

Я хотел бы иметь возможность ещё один год вести русские беседы, вернуться к каким-то основным вещам, но в этих основных вещах, может быть, будут моменты, которые не будут восприняты с симпатией... Отец Георгий Флоровский мне как-то сказал: знаете, нет ни одного отца, у которого нельзя найти ереси, за исключением Григория Богослова, который был такой осторожный, что ничего лишнего не сказал... Так что у всех найдут что-нибудь. Но тогда возьми то, что сказано и что тебе кажется неверным, продумай и скажи своё; причем не обязательно раскритикуй, а скажи: вот, на основании того, что я слышал, какие мысли мне приходят, и посмотрим, как они дополняют или исправляют другое... Я думаю, что очень важно, чтобы сейчас мы мыслили и делились мыслями – даже с риском, что мы заврёмся, – кто-нибудь нас поправит, вот и всё.

Лондон, 8 июня 2000 г.
Записала Елена Майданович

К пятилетию ухода Солженицына мы публикуем интервью со вдовой писателя Натальей Дмитриевной и написанную для нашей газеты статью Павла Проценко – одного из узников совести 1980-х годов, исследователя архивов общины сщмч. Анатолия Жураковского

Искателю слова правды

Какому бы произведению Солженицына, его мысли или образу мы ни обратились, они всегда выводят читателя к основным и последним вопросам жизни. То же и в биографии: что ни веха, что ни поворот в его жизненном пути, всё заставляет задумываться о главном в человеческом бытии. За несколько дней до своего второго ареста писатель написал знаменитую статью «Жить не по лжи». В ней он обозначил неразрывную связь внешнего насилия с волей человека. Если человек внутренне покоряется насилию из-за страха, то этому предшествует принятие неправды, ложной картины мира. «Мы даже всеобщей атомной смерти не боимся... – писал автор “Одного дня Ивана Денисовича”, – мы только боимся шагов гражданского мужества!» Поэтому, если личность хочет выйти из-под власти насильников, она должна отказаться от соучастия во лжи. Хотя бы на уровне обыденной жизни: пусть ложь не проходит в мир через меня. Для этого не нужно подвигов и жертв, потому что это «самый умеренный из всех путей сопротивления». Конечно, стоит на него вступить, неприятности не замедлят прийти. Но «никому из нас... не обмундировать хоть одного из названных шагов – ...в сторону духовной независимости или духовного лакейства». «Если и в этом мы струсим, то мы – ничтожны, безнадежны». Так почти 40 лет назад писатель размышлял о путях выхода российского человека из исторического тупика, в котором тот оказался в XX веке.

В сентябре 1973 года, ещё до выхода в свет этого призыва писателя, один мой знакомый в знак протеста против кампании клеветы, развёрнутой в советской печати против Сахарова и Солженицына, вышел из КПСС. Это был многообещающий востоковед. Он тут же лишился престижной работы в ТАСС, возможности публиковаться, сделать научную карьеру. Со временем он стал поборником экологического образа жизни. Но теперь он отчасти жалеет о том, что в результате не смог профессионально и творчески реализоваться. Эта частная история показывает, что честность перед собой всегда жертвенна. Потому что жизнь души не расцветает без самоотвержения.

Крохотная статья Солженицына очень непроста по смыслу, в её строках течёт ток высокого напряжения. Конечно, статья – это не военная команда. Писатель никого ни к чему не принуждает.

Просто его размышления способны задеть глубокие струны человеческой личности. И именно поэтому его произведения влияли на людей и на ход общественной жизни. В этом проявляется и общий религиозный контекст его творчества.

Несколько лет назад на одном «круглом столе» мне довелось высказать мысль о близости мировосприятия Солженицына и «стиля» его жизни к мировидению и образу общественного поведения Владимира Соловьёва*. Оба – и великий писатель, и великий философ – всегда имели перед своим внутренним взором некую цельную картину, реализовать которую стремились и в своём творчестве, и в своей жизни. В частности, обоими владела мечта о христианской России и о человеке, служащем добру.

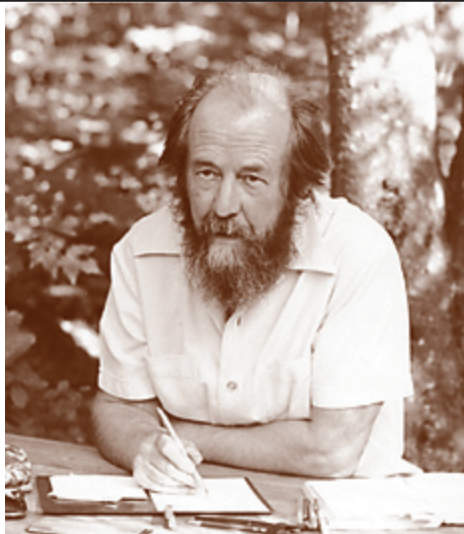
Именно поэтому, когда современники пытаются пристроить Солженицына к своим представлениям о «правильном» мире, они, как правило, пытаются подогнать его под плоскую, привычную для них, картинку реальности. Например, прогрессисты, для которых оппозиционность есть высшая общественная доблесть, стараются интерпретировать писателя как вечного диссидента. То, что Александр Исаевич после возвращения в «новую» Россию оказался вне правых и левых общественных сил, а в нулевые годы осторожно выражал одобрение некоторым действиям Путина, представляется им в лучшем случае недоразумением и проявлением преклонного возраста и болезней. Другие же, условные державники, наоборот, подчеркивают принципиальную настроенность писателя против диссидентства и даже демократии. Последняя якобы не была для него высшей целью. Он, дескать, мудро понимал необходимость авторитаризма и потому принял политический курс второго президента России. Но в таком случае, куда деть огненные тексты Солженицына, бичевавшие и правителей СССР, и порядки «демократической» России, причём уже и при Путине?! Вспоминается видеообращение писателя к новому правящему классу, в котором он буквально умолял не возвращать страну в круг тоталитарного самоуничтожения.

Всё дело в том, что главное устремление Солженицына направлено на то, чтобы человек на его родине смог наконец жить в согласии со своей совестью. Вне любых политических и идеологических экспериментов. Чтобы условия

существования в России способствовали формированию низовой демократии, учитывая мнение и волю каждого, давая самоопределяться «малым» территориям и «маленьким» людям. И при этом он всегда выступал против оболванивания граждан, против манипулирования их волей. И всегда подчеркивал необходимость духовного и культурного просвещения. Не понимая этого его постоянного устремления, мы ничего не поймём в его творческом наследии. И только учитывая это его внутреннее видение и подход к реальности, мы сможем оценить его христианскую позицию. Как и всё христианство, позиция писателя Солженицына сложна, многозначна, порой парадоксальна.

3 августа у его могилы собралось человек пятьдесят. Вспомнилось, как в августовские дни 2008-го – во время прощания в здании Академии наук и в день погребения в Донском монастыре – за напевами молитв чуть ли не у тела писателя уже слышались разговоры на тему: «Много или мало народа пришло проститься с покойным?» Тогда в монастырской ораде, как мне кажется, было не менее полутора-двух тысяч человек. Что значат эти цифры перед лицом ухода великого зека в вечность? Бросалось в глаза наличие в толпе некоторого количества политиков с блуждающими глазами, пришедших сюда ради возможности засветиться перед журналистами и телекамерами. Практически не было церковной молодёжи, как и представителей светского столичного бомонда. Зато то здесь, то там виднелись лица иностранцев, специально прилетевших, чтобы отдать последний долг писателю.

Такая nelaкированная картина оказалась мне вполне закономерной. В те же дни в СМИ появилось характерное интервью одного священника. Он как бы выносил вердикт: «Солженицына нельзя назвать церковным писателем, но то, что он относился к истории... с точки зрения религиозного человека, этого никто отрицать не может». И это приклеивание ярлыков к творчеству писателя высветило в происходившем вокруг памяти ушедшего нобелевского лауреата одну глубокую правду: личность, опирающаяся в своих действиях на глубины сердечного упования, подкреплённого делами всей жизни, часто разминается с верой мёртвой, буквоедской, партийной, сонной. К сожалению, наша вера большей частью таковой и является.

Солженицыну история уготовила роль человека, которому было суждено произнести слова жизни и для нашего общества, и для всего мира. Неудивительно, что современные верующие вблизи этого избранника вдруг словно засыпают, а порой плохо видят и слышат. Неудивительно, что общественность (и справа и слева) кидается в бой против творческих заветов автора «Архипелага ГУЛАГ». Им слышится разное, «плохое» и «хорошее», в его словах, достойное их обличений, споров и критики. Это нормально. Но нужно помнить, что, соприкасаясь с Солженицыным, мы соприкасаемся с посланником, пришедшим к нам с того края земли, что зовётся «концом истории». Сталинский счастливый мир, созданный после окончания Второй мировой войны и олицетворённый в ГУЛАГе, был настоящим концом истории и для нашей страны, и для всего мира. И вот отсюда пришёл к нам Солженицын со своими книгами, словами, житетворчеством. Во многом именно с него воскресли в нашей новейшей истории главные темы расстрелянной русской реальности. С того времени для российского читателя, для его совести, для его религиозного сознания отношение к писателю-зеку оказывается невольной проверкой душевных сил. Спят они, пристрастившись к очередной маленькой лжи, или ищут неудобного, но честного слова? В единственной беседе Александра Исаевича с автором этих строк он обронил: «Надежды на то, что Россия возродится, почти нет».

Когда я размышляю об этих жёстких словах писателя, мне до сих пор кажется, что история нашей страны может развернуться к духовному и культурному возрождению только в одном случае: если в обществе смогут не просто существовать, но и действовать искатели глубины и правды жизни.

Павел Проценко

* См.: Солженицынские тетради. Вып. 1. М., 2012. С. 237-246

В чём можно черпать силу

Александр Исаевич для наших современников, для людей, которые знают его книги, ассоциируется с человеком очень сильным, жизненно стойким. Опыт, описанный в его книгах, говорит о том, что в любой, даже самой страшной безнадежности можно выжить. Что помогало ему в этом, что было для него «упором»?

Его жизнь была долгой, и, конечно, только постепенно ему открывалось то, в чём можно черпать силу. Он вырос в православной семье, но потом был увлечён ветром времени – строительством «новой светлой жизни», и как бы отошёл от веры.

Но в лагере, вернувшись к Богу, и потом всю жизнь – он, несомненно, черпал силу свыше. Он считал веру высшим духовным даром, который только может быть дан человеку. Лишь из-за искажений, будь то искажения эпохи или какие-то иные изломы, люди иногда теряют связь с высшим. Александр Исаевич всегда говорил, что глубоко сочувствует тем, кто эту связь потерял. Среди его друзей были люди, которые себя считали атеистами, и были при том не только высоко-нравственными, а просто праведниками.

Но всё-таки ему казалось, что высший свет в их жизни отсутствует.

Не разделяя людей на верующих и неверующих, он считал, что вся наша земная жизнь – если только человек понимает, что она не в поиске материального успеха, а в поиске достойного духовного роста – это только промежуточная ступень развития к высшей жизни. Важно не сорваться со ступени, более того, нельзя всю жизнь на ней бесплодно протоптаться. Он говорил, что видел фронт, тюрьмы, лагеря, видел больницы, где лежали люди, обречённые на смерть. Видел, как по-разному люди всё это переносят. И казалось, что многое там зависит не от тебя. Ты не знаешь, куда летит пуля. Не знаешь, на какую работу тебя пошлют в лагере, не знаешь, как победить болезнь. Но при всём том – и своим сыновьям, и тем, кто его спрашивал, – он всегда говорил, что судьба – это не обстоятельства, а характер. Что на самом деле не внешние обстоятельства, не бытие «первично и определяет сознание», а сознание определяет бытие. Мы каждый день совершаем выбор, как нам поступить – иногда ничтожный выбор, пустячный, например, взять с собой зонтик или не взять. А часто и посерьёзнее. А бывает такой

выбор, что голова раскалывается, как решить. Но всё выбираем сами. И от этих ежедневных выборов складывается не цепь случайностей, как многие думают, а наша судьба, как мы её сами выковали. Так что держись за ту верёвку, которая тебе сверху спущена. Сверяйся каждый раз в каждом своём решении – и той силой, которая тебе даром даётся, как-то можно преодолевать жизнь.

Александр Исаевич ведь не боялся смерти?

Совсем не боялся, об этом я могу свидетельствовать. В молодости у него был огромный страх, но не перед смертью, а что не успеет сделать всего задуманного. Над ним напояющей тенью витала смерть отца, который умер в 27 лет, успев поучиться в Московском университете, уйти оттуда воевать на фронт Первой мировой, зародить единственного сына – и всё. Александр Исаевич всегда это помнил, как и раннюю смерть таких романтических героев, как, например, Эварист Галуа, великий математик, погибший в 20 лет, или Лермонтов, которого он любил необычайно всю жизнь. И этот страх не «рано уйти», а не успеть в жизни сделать задуманное – он у него был, но на моих

глазах постепенно уходил. И к тому времени, когда была закончена работа над «Красным Колесом», т. е. в конце 1980-х – начале 1990-х годов, Александр Исаевич считал, что в целом успел выполнить те задачи, которые он сам перед собой ставил, и был совершенно готов к смерти. Он никогда не считал её концом, всегда ощущал её точкой перехода в другую жизнь... И принял смерть очень светло.

Наталья Дмитриевна, благодаря Вам есть краткий том Архипелага, и его читают в школе. Вы самыми разными способами добываетесь того, чтобы наследие Александра Исаевича в нашем народе было воспринято. Что в этом наследии, на Ваш взгляд, самое главное?

Мне кажется, для любого человека самое главное – понять жизненную задачу его земного существования. И книги Солженицына, и его жизнь помогают нащупать ответ. Он считал, что цель каждого – покинуть Землю лучшим, чем пришёл на неё, чем это было определено нашими наследственными задатками, то есть за время жизни пройди некий путь духовного усовершенствования.

Окончание на с. 6

Начало на с. 5

В чём можно черпать силу

Только сумма таких индивидуальных процессов и может называться духовным прогрессом человечества. Мы все рождаемся с теми или иными задатками, у кого-то скромными, у другого большими, но всё равно ты в течение своей жизни своим усилием должен их увеличить. Те, кто читают Солженицына, очень ясно видят это, и не только из его книг, но из его жизни, потому что его жизнь – это ещё один великий русский роман, как сказал (по-моему, удачно) один литературный критик.

О покаянии за преступления советского времени довольно трудно говорить. У Солженицына было сочетание равнодушия к памяти жертв и стремление понять и простить тех, кто находился по другую сторону. Как Вы считаете, что мы можем сделать сегодня, чтобы этого достичь?

Я бы немного возразила Вам. Нельзя сказать, что в творчестве Александра Исаевича один из сильнейших мотивов – понять и простить тех, кто делал зло. Его основная мысль – обернуться на себя и посмотреть: а не мог ли бы ты оказаться среди них? Он считал, что каждому, кто честно оглянется на себя, вдруг откроется: «Батюшки, да мы только случайно не оказались среди тех, кого теперь обливаем нашим праведным гневом...» Он всегда начинал с себя. Все его книги преисполнены таким жгучим раскаянием в своих заблуждениях и поступках, сделанных по юности, по глупости, по увлеченности чем-то... Весь «Архипелаг» этим полон, и «Раковый корпус», и в «В круге первом» это есть, и в любом рассказе. Он писал, что лишь постепенно, по мере того, как жизнь тащила его по крутым ухабам, пришло к нему понимание, что линия, разделяющая добро и зло, проходит не между государствами, не между классами, не между партиями, – она проходит через каждое человеческое сердце. И линия эта подвижна, она колеблется с годами, движется в ту или другую сторону. Даже сердце, объятное злом, удерживает маленький плацдарм добра, а в самом добром сердце где-то таится неискорененный уголок зла. Он просто призывал понимать это. И, мол, кто он такой, чтобы судить других и прощать или не прощать. Он именно призывал каждого обернуться и судить самого себя. Призывал каждого к покаянию, потому что каждому есть в чём каяться. Каждому.

Проблема в том, что сейчас уже подрастает то поколение, которое совершенно не жило при советской власти и которое эти вещи, конечно, с трудом воспринимает.

Дело ведь не только в советской власти. Советская власть была страшна, но посмотрите на какой-нибудь XIII век. Там тоже было много «несладкого». Были жутчайшие изуверские секты. А сегодня – сладко ли оказаться в эпицентре какой-нибудь революционной «весны»? Вообще много чего было и ещё много чего будет. Человек-то не меняется. Технологии меняются, владение окружающим пространством меняется, какие-то социальные установки и договорённости в какой-то мере меняются. Но человек если и меняется, то на таких отрезках времени, которые нам с вами совершенно не видны, они слишком длинные. Конечно, теперь много людей, которые восхваляют Сталина. Но это протестная любовь. Она расцветает потому, что люди крайне разочарованы в том, что видят вокруг себя. Они чувствуют себя обманутыми. Общество становится таким же потребительским, каким оно собственно является в большой мере (хотя и не полностью) на Западе. К сожалению, мы сочли, что это и есть то лучшее, что нам нужно оттуда перенимать... Но там действуют ограничения, там закон не только на бумаге. А у нас крайне нездоровое общество, потому что нас искорежило. Дедушек, бабушек и родителей тех детей, о которых Вы сейчас говорите, искорежили эти семь десятков лет. Именно нравственно искорежили. Коммунизм выжег своё тавро на многих из нас, если не на всех. И если у молодых людей слабое воображение, малое знание истории и они не знают, что было в нашем недавнем прошлом, это очень плохо и очень опасно, но это всё-таки ещё не смертельно. А смертельно, если в них полностью размыто представление о том, «что такое хорошо и что такое плохо», как учил малыш Майковский. Это самое главное – что у нас внутри, какой багаж. Чем мы ответим на необоримые болезни, войны, несправедливости, когда столкнёмся с ними. И если все наши мысли о том, как бы заполучить «Мерседес» вместо «Лады», то мы ни одну серьёзную беду в жизни не сможем победить, она сожёт нас просто щелчком мизинца. Если же нравственное чувство размыто у большинства людей в стране, то это конец стране: это значит, что общество полностью больное и им можно как угодно манипулировать. Такое общество ничего хорошего само в себе выстроить не может. И тут возникает вопрос: что каждый из нас должен делать? А очень просто: каждый, кто понимает важность нравственных императивов, должен своих детей, своих сестёр и братьев, своих ближних, а иногда и своих родителей убеждать, склонять, воспитывать в том духе, что добро и зло – это напряжённая реальность, что не только Бог существует, но есть и дьявол и, стало быть, «блюдите как опасно ходите».

Беседовала Анастасия Наконечная

«Он был человеком веры, надежды и любви»

Начало на с. 1

Слово священника Георгия Кочеткова на литии по протоиерею Павлу Адельгейму

Отец Павел и отец Георгий. Фотография с личного сайта священника Георгия Кочеткова

Вот кто пример терпения, смирения и послушания для всех нас! Таких примеров больше не сыскать. Таких людей в клире нашей церкви больше нет. Он победил! И не только своих ближайших оппонентов, или по-другому сказать, врагов, носителей чуждого духа. Он победил силой своего слова, силой своего свидетельства и примера всё то зло, всю ту ложь, которая не изгнана до сих пор покаянием ни из народа нашего, ни из страны, ни из церкви. Он был живым свидетелем и живым носителем этого голоса пред Богом, голоса невинно пролитой крови, невинных страданий.

Он был скромным человеком, но вдохновлял всех. Он не вызывал внешних восторгов, но он именно вдохновлял. Он был потрясающе смелым человеком, мужественным, благородным. У него эти качества переставали быть просто качествами всякого благородного порядочного человека, они становились чисто христианскими качествами, от чего мы уже так давно отвыкли.

Мы рады тому, что слово его и взор его под конец жизни особым образом обратился к нам, к нашему институту и к нашему братству, к каждому из нас. Он действительно был всегда духовным центром, через который Господь действовал лучше всего, более всего. Это значит, в нём было меньше всего препятствий для этого действия.

Мы его могли бы сейчас назвать исповедником веры, мы могли бы его сегодня уже назвать святым мучеником Христовым. И сегодня же мы можем открыто и прямо сказать: он был для нас старшим братом.

Теперь неясно, будет ли кто-то на его месте и в церкви, и в братстве. Конечно, Господь рано или поздно воздвигнет подобного человека, столь же прямого, чистого и светлого, столь же прозрачного для действия благодати Божьей, для ясного света Божьей Любви. Но будем надеяться, что плоды жизни отца Павла, впитавшего в себя и традицию мечёвских кругов, и традицию Александрo-Невского братства, и традицию Оптиной пустыни, и традицию лучших монастырей старой России (не только Александрo-Невской лавры, но и лавры Киево-Печерской), не будут потеряны.

Потрясающе всё-таки то, что отца Павла любили и уважали все хоть сколько-либо ищущие Бога люди, самых разных позиций, взглядов, действий, часто между собой сильно противоречащих. Он смог объединить во Христе всех верных Ему людей в нашей церкви. Поэтому присоединимся же к их голосам, к молитве и к той памяти, которая уходит в память вечную, к той жизни, которая только и может наследовать вечность.

Вечная память отцу Павлу! Пусть каждый из нас несёт в своём сердце его образ, его слово так же, как мы стараемся это делать в отношении других великих наших учителей, наставников, отцов и братьев. Аминь.

Ташкентский суд

Суд надо мной открылся в начале июля 1970 года. Первоначально процесс задумывался как показательный. Пригласили телевидение, широко рекламировали задачи открытого процесса. Из городского суда Ташкента, имевшего статус, равный с областным судом, в СИЗО приехал за мной «чёрный ворон» с чрезвычайной охраной. Это была не милиция, а солдаты. Из машины высыпало человек десять. В это время я гулял по тюремному двору и мог наблюдать приготовления со стороны. Меня позвали вниз и оттуда повели обратно во двор уже в сопровождении конвоя между двух шеренг солдат. Ещё более удивительная демонстрация ожидала меня в суде. Когда отворилась дверь «воронка», меня встретили две шеренги автоматчиков, расставленные до дверей суда. Внутри суда от самых дверей стояли солдаты на расстоянии трёх метров двумя шеренгами, протянувшимися до входа в самый большой зал суда. Шеренги тянулись по коридору, вверх на два марша широкой лестницы с дорожками и коврами, и обрывались у входа в зал. Зал вмещал человек триста. В центре располагался судейский стол, и за ним кресла для трёх судей. Слева от них – «скамья подсудимых», огороженная низким барьером. В те времена клетки для подсудимых ещё не вошли в моду. По обе стороны от меня стояли автоматчики. На стульях рядом с барьером расположились ещё трое солдат и офицер. Ближе к судейскому столу стоял стул для адвоката, напротив него стол и стул обвинителя.

...Обвинение изложило состав преступлений. Судья приступила к допросу обвиняемого. Она предъявляла инкриминированные документы и спрашивала о моём отношении к ним. Это были изъятые у меня при обыске бумаги. Письмо А.И. Солженицына к 4-му съезду советских писателей я цитировал наизусть. Расспрашивала меня об отношении к «Письму московских священников о. Глеба Якунина и о. Николая Эшлимана».

– В письме говорится, что советская власть закрывала храмы и духовные семинарии. Вы разделяете этот взгляд авторов?

– В 1959 году я закончил Киевскую духовную семинарию. Сейчас семинария закрыта.

– Секретарь, запишите: подсудимый разделяет взгляды московских священников.

В таком духе проходили диалоги. Суд рассмотрел результаты филологической экспертизы, установившей, что подсудимый писал статьи, стихи и другие документы, в которых «неправильно изображал жизнь советских людей». Мало того, он «злостно приписывал» собственные произведения известным советским поэтам. Например, приписал поэму «Реквием» известной советской поэтессе А.А. Ахматовой. Подборку стихов «Демоны глухонемого» приписал М. Волошину, поэму «Человек» – В. Иванову, а стихи о Сталине – О. Мандельштаму. Суд пришёл к выводу, что подсудимый «опорочил советских поэтов необоснованной клеветой на советский общественный и государственный строй». Адвокат задал вопрос эксперту:

– Какое у Вас образование?
– Я филолог, философ, историк и педагог.
– Вы не поняли. Что Вы закончили?
– Пединститут.
– Какую Вы имеете учёную степень и звание?
– Учительница русского языка и литературы.
– На какие критические источники Вы опирались в своей экспертизе?

– На личный опыт исследований.
– Вы можете ознакомить нас с библиографией по исследованным авторам?

– Это не секрет. Вы можете сами ознакомиться с библиографией.

– Меня интересует обоснованность экспертизы.

Адвокат объяснял судье, что клевета является правовым понятием, и заключение о клевете должен выносить суд, а не экспертиза. Судья не слышала. В перерыве я остался наедине с конвоем и молодой солдатик спросил: «Слушай, я никак не пойму, за что тебя судят. Ты всё правильно говоришь».

У суда явно что-то не складывалось. Телевидение прекратило съёмки и уехало. Со следующего дня за заседания перенесли в маленький кабинет, где помещались только участники процесса. Дальнейший процесс проходил без публики. Он продолжался ещё неделю, но проходил скромнее. Больше не было солдат, построенных шеренгами. За мной приезжал конвой из трёх автоматчиков с лейтенантом, отвозил в суд и привозил обратно. Адвокат не мог ничего сделать. Его возмущению происходящим не было границ. Он сказал: «Буду рассказывать в Москву, мне не будут верить! Сам бы не поверил, если б не увидел своими глазами». ...К приговору я был готов, и всё же ноги подкосились. Не ожидал, что так придавит. Его сочувствие меня подержало.

Из воспоминаний о. Павла Адельгейма

Протоиерея Павла Адельгейма

Он всегда мечтал умереть как в бою

О своём отце рассказывает дочь отца Павла Адельгейма Анна Алексеева

Когда отец пошёл в лагерь, нам было лет шесть-семь. Конечно, мы это воспринимали через свою детскую призму. Было очень тяжело. Одиночество было, покинутость, ощущение, что у тебя нет никакой защиты, что тебя могут в любой момент побить, обидеть. Так и было на самом деле. Но ничего! Всё же меряется не тем, как это есть, когда ты попадаешь в ситуацию. Я думаю, что важно, к чему в конце концов человек приходит.

Я помню, что позже, когда он уже вернулся, он всегда был занят. Как-то раз я в сердцах сказала: «Тебя никогда для нас нет, ты всегда с кем-то разговариваешь». И он так растерялся: «Я же всегда с вами, на самом деле, я всегда думал, что... вы же всегда рядом со мной». И тогда я начала по-другому думать. Мне было тогда лет пятнадцать-шестнадцать.

Ничего специально в плане воспитания он не делал – такого, чтобы какие-то лекции нам читать или что-то подобное. Он просто всегда говорил то, что сам думал. Но ведь воспитание от дрессировки отличается. Дисциплина нужна человеку. Но когда он совершает выбор, он должен обязательно какие-то ошибки сделать, и лучше их сделать в детстве, когда родители могут тебя защитить, принять что-то на себя. У нас с отцом бывали конфликты (а я, как и он, горячий человек, вспыхиваю сразу, и поэтому у него со мной конфликт бывал более острый, чем с другими детьми), и именно потому, что он меня серьёзно воспринимал, и я его серьёзно воспринимала.

С годами у меня родилось ощущение, и сейчас осталось, что он очень мягкий, внимательный, как-то проникновенно и говорит, и смотрит, и жалеет всегда. Наверное, ему тоже хотелось бы, чтобы его когда-нибудь пожалели, но некогда. Поскольку к нему все шли, ему надо было держаться и быть опорой. Поэтому он был опорой, но самому ему иногда тоже бывало трудно.

И даже в ситуации с этим молодым человеком. Ты видишь, что человек неадекватно ведёт себя. Что другой делает? Вызовет скорую. Но он поступил как пастырь. Ведь какое право кто имеет кого-то отправить в сумасшедший дом? Папа его в этом смысле пожалел и подумал, что сможет хоть как-то поддержать. Поэтому я думаю, что его смерть была логичной по отношению ко всей его жизни. Мы можем, конечно, погоревать о себе, но не о нём. Во-первых, он в лучшем месте. Во-вторых, он всегда мечтал умереть как в бою.

Отец Павел и матушка Вера с паломнической группой Молодежного «Круга». 4 августа 2013 г. Вместе с этой группой батюшка собирался поехать дальше по маршруту паломничества, но задержался в Пскове ради беседы с приехавшим к нему Сергеем Пчелинцевым, ныне главным подозреваемым в убийстве

Совсем не просто стать чадом Божиим

Из последней проповеди о. Павла

Огонь пришёл Я низвести на землю, и как хотел бы, чтобы он возгорелся, – сказал Господь. Он говорит о Своей миссии. Что же это за огонь, который Господь хотел зажечь на земле? Это огонь благодатной жизни с Богом и по-Божьему. Господь пришел нас спасти, и спасение в том и заключается, чтобы мы стали стадом словесных овец Божьих. И это совсем не просто – стать чадом Божиим. Человеку необходимо преобразиться, стать свойственным Царству Божьему. И вот возникает задача: что же нам делать, чтобы загореться этим огнём так, как от него загорелись множества святых Божьих? И Евангелие сегодня указывает нам на смысл этой задачи: что нам надо делать в своей жизни.

...Очень многие люди думают, что вера – это такое переживание, которое имеют только люди религиозные, и это совершенно неверно. Вера – это одно из свойств человеческой души, такое же, как любовь и надежда. Вот эти три свойства человеческой души, которых ни один человек лишён быть не может. Каждый из нас и верит, и любит, и надеется. И представить себе человека, который этих свойств не имеет, невозможно. Всякое духовное существо эти свойства имеет. Эту веру имеют и ангелы, которые видят Бога лицом к лицу. Эта вера никуда не исчезает, когда человек приходит к ней опытом. Она только становится шире и глубже. Но веру могут иметь не только святые ангелы и люди, веру имеют и падшие духи, бесы. Апостол говорит: «И бесы веруют и трепещут». То есть они испытывают к Богу недолжное отношение. Верую христианин любит и надеется, а бесы вместо этого испытывают ужас перед Богом, потому что они осознают Его святость и свою собственную нечистоту. Поэтому вера у человека тоже бывает очень разного качества. Апостол говорит, что вера может быть сонной, может быть мёртвой, а может быть вера живая и благодатная. Когда Господь говорит кровоточивой женщине: «Держай, дочь. Вера твоя спасла тебя», Он говорит о том, что эта вера была исполнена и любви, и надежды, что она осуществится. И тогда эта вера осуществилась.

И вот для того чтобы приобщиться к Божественной жизни, необходимо иметь веру – такую, какая была у этой женщины. У нас у всех эта вера несомненно есть. Мы все веруем, это основа человеческих отношений. Мы не только в Бога веруем, мы веруем друг в друга. Мы друг друга тоже не знаем, мы веруем друг в друга, и уже потом опыт постепенно открывает нас друг другу и мы начинаем понимать друг друга. А начинается все с веры. И дружба начинается с доверия тому человеку, с которым ты захотел дружить.

И любовь начинается с того человека, которого ты любишь. Почему происходит выбор? Почему с этого, а не с другого? А потому что этому верим, а другому – нет. То есть все человеческие отношения начинаются с веры, даже деловые отношения. Мы же даже и партнёров себе по бизнесу выбираем из тех, кому доверяем. А почему доверяем? На это невозможно ответить. Потому что очень часто бывает так, что мы ошибаемся, партнёры нам изменяют, и оказывается, что они не заслуживают доверия. А вот мы выбрали их, потому что им поверили.

Только один Бог никогда не подведёт и не обманет нашей веры. И эту веру в Бога человеку необходимо в себе и растить, и хранить. Но кроме этой веры, Евангелие сегодня указывает нам ещё и на действие. Женщина не только поверила в исцеляющую силу Христа, она совершила некоторое действие, она старалась протиснуться к Нему через толпу, чтобы коснуться Его одежд. Она думала про себя: «Если только коснусь Его одежду, исцелюсь». И то, на что она надеялась, произошло – она исцелилась.

А как же нам можно осуществить свою веру прикосновением ко Христу? Это было возможно, когда Христос жил на земле. Жил плотию Своей. А как же теперь? Вот Господь, возносясь от учеников на небо, сказал им: «Вот Я с вами всегда до окончания века». Как же мы теперь можем прикоснуться ко Христу, Который не оставляет нас, Который пребывает с нами здесь, всегда? Ведь мы за божественной литургией сейчас будем приносить бескровную жертву, мы будем молиться о том, чтобы Господь Святой Дух сошёл на предлагаемые дары, чтобы хлеб и вино стали действительными Телом и Кровью Христа. Он пребывает среди нас и нас слышит. В настоящее время риза Христова – это вся жизнь Его Церкви, потому что Церковь – Его Тело. И Оно облечено и в догматы, и в священные ритуалы, т. е. богослужения, свечи, поклоны, каждения. Всё это – одежды Христовы. И к этим одеждам необходимо приобщаться. И, конечно, самое главное здесь – это Таинство Евхаристии.

Господь говорит о том, что Он пришёл огонь низвести на землю. Что это за огонь? Это не догматы, это не ритуалы, это не свечи и поклоны. Огонь, который пришёл Господь низвести, – это новая благодатная жизнь. И она вмещает в себя наше понимание о Церкви, о Боге, о вечной жизни. Это понимание раскрывается в Символе веры, в догматах, оно раскрывается в богослужении, где перед нашими глазами каждый раз проходит вся жизнь Христа и весь Его Подвиг. Это и есть огонь, который принёс Господь на землю, – и молитва, и таинство, и христианская жизнь по Его заповедям. Всё это огонь, который может разгораться в человеческой душе. И тогда он преобразует человека, делает его свойственным Царству Божьему. Когда мы смотрим на святых, то видим, что все они стяжали богоподобие. Они научились жить с Богом и по-Божьи, и Бог пребывал в их сердцах. И вот это единение человека с Богом начинается не в загробной жизни, а начинается на земле. И с тех пор, как оно начинается, человек уже не отделяется от Бога, он живёт благодатной жизнью с Ним, и эта жизнь – жизнь вечная. Потому что и на земле, здесь, она возможна, и за пределами смерти, когда человек восходит в новую жизнь, благодатная жизнь продолжается. Это и есть та жизнь вечная, познание которой заповедано каждому христианину, и это познание должно быть не теоретическим, а это познание должно быть осуществлено в нашей жизни.

Аминь.

«Было у кого учиться – и я учился»

Так получилось, что в Псков я приезжаю летом третий год подряд.

В эти дни – проводить в последний земной путь подвижника и исповедника веры отца Павла Адельгейма.

Прошлым летом мы были в Пскове в паломничестве, и всё время было наполнено незабываемым общением с ним.

А ещё за год до этого я приезжала к батюшке в гости с личным визитом.

Он встретил меня на вокзале, и мы сразу поехали в храм Святых Жён Мироносиц – это была как раз черед богослужений отца Павла. Он служил литургию каждый день. Вот и в тот день – в храме три-четыре местных бабушки и я. Но отец Павел предстал перед Господом. Глубокой и серьёзной была молитва, вдохновенной проповедь...

Я приехала к отцу Павлу, чтобы поговорить о теме моего исследования – ташкентских исповедниках веры. Отец Павел называл своими учителями владыку Ермогена (Голубева), архимандрита Бориса (Холчева), архимандрита Серафима (Суторихина). И на этой литургии я увидела, что батюшка – истинный продолжатель традиции богослужения этих подвижников веры, восходящей к традиции оптинских старцев и святейшего патриарха Тихона. Отец Павел служил так, как его духовный наставник, отец Серафим (Суторихин): несмотря на практически пустой храм – «без угрызений», имея основную, как и о. Серафим, стремление возносить литургическую молитву каждый день, несмотря на обстоятельства, возраст и здоровье.

Вспоминая архимандрита Бориса (Холчева), отец Павел сказал, что учился у него «необыкновенно серьёзному и ответственному отношению к молитве, проповеди и пастырскому призванию»¹. И все мы – свидетели того, что это было воспринято отцом Павлом в полной мере.

В Русской православной церкви отца Павла знают как человека, отстаивающего правду твёрдо и бескомпромиссно. «Было у кого учиться, и я учился», – так вспоминал он своих учителей. В том числе владыку Ермогена (Голубева), от которого отец Павел принял рукоположение в священник. Владыка Ермоген известен в первую очередь как человек, стойко оберегающий границы церкви, борец за то, чтобы в государстве и церкви всё делалось сообразно закону и канонам. Этим же известен и отец Павел. И такой человек, как и прежде, часто неудобен в церкви. Но так же, как и архиепископ Ермоген, он не отступает, продолжая называть вещи своими именами, неся за это лишения, претерпевая гонения. На мой вопрос о том, как же у него хватает сил сражаться за правду практически в одиночку, отец Павел удивился: «Никакого сражения нет... Просто я человек, поэтому поступаю по правде. Ведь иначе я перестану быть человеком, а значит – перестану жить». Да, отец Павел оставался Человеком до последних секунд своей жизни и погиб, неся пастырское служение.

Как-то он сказал о владыке Ермогене, что владыка «архиерейское первенство понимал как право первым умереть за общее дело Церкви»². Жизнь и кончина отца Павла Адельгейма свидетельствуют, что он воистину был учеником своего духовного наставника.

Ольга Борисова

¹ Век русской Церкви: от гонений до крови до объятий до смерти. К 50-летию священнослужения отца Павла Адельгейма. Псковская губерния. №32 (453) от 26.08-01.03.2009. С. 1.
² Там же.

9 августа Преображенское братство прощалось с Ефросинией-Ларисой Галкиной. В этом году, по случаю празднования её 85-летия, о ней у нас узнали многие, особенно из тех, кто вступил в братство не так давно. Последнее время Ефросиния-Лариса очень редко выбиралась из дома, имея возможность передвигаться только на инвалидной коляске. А узнали ее благодаря выставке созданных ею икон и картин, показанной в подмосковном доме Культурно-просветительского центра «Преображение».

Более 60 человек в будний день собрались на отпевание, а затем и на погребение, чтобы проститься с

Фросей – так называли её многие, несмотря на возраст. На кладбище пели пасхальные тропари и стихиры, а солнце, ярко освещавшее собравшихся, напоминало о Свете, в который отходят ко Господу все достойно послужившие Ему.

За поминальной трапезой о ней много рассказали общинники – Ефросиния-Лариса была членом первой общины Преображенского братства, основанного отцом Георгием Кочетковым, – а затем и все, кто её знал. Братья и сёстры благодарили Бога за ее хрупкость и силу, за талант и постоянный поиск, движение, за то, что она стала для всех родным человеком.

Её талант не оскудевал вплоть до самого конца

Слово священника Георгия Кочеткова на заупокойной литии по Ефросинии-Ларисе Галкиной

Дорогие братья и сёстры! Прошёл всего лишь один день после того, как мы молились о новопреставленном убиенном о. Павле Адельгейме, а сегодня мы должны снова возносить подобные молитвы о новопреставленной сестре нашей Ефросинии-Ларисе Галкиной – о том человеке, который также всю жизнь искал Бога, который всегда делал акцент на творческом начале в человеке, который всегда искал явление души и духа, который всегда был предан единству, вере, надежде и любви.

Ефросиния-Лариса была лучшим иконописцем нашего братства, она была профессиональным художником, и недавно прошедшая в связи с её 85-летием вы-

ставка в загородном доме Культурно-просветительского центра «Преображение» показала, насколько её талант не оскудевал вплоть до самого конца. Её последней картиной стала картина «В узах», посвящённая этой попытке мира сего связать Божью силу, но попытке неудачной. И это итог её жизни. По жизни она тоже связывалась многими страхами или какими-то, может быть, идеями или идеологиями, которые могли увести её от Бога, от Церкви, но жизнь её в общине и жизнь её в нашем Преображенском братстве помогла ей устоять. Вот эта общинно-братская жизнь как раз помогла ей не искутиться до такого почтенного возраста, когда уже многие и многие люди себя плохо помнят, плохо

осознают, часто впадают во всякого рода обиды или подозрения по отношению к окружающим их людям. Она преодолевала все свои телесные, плотские страдания и страсти. Она была настоящим художником и прекрасным иконописцем, и мы помним её, мы любим её, мы молимся за неё и мы видим, что она тоже вошла вслед за великим её современником – о. Павлом Адельгеймом в ту братскую общину, которая молится за наше братство и за нашу общину, и за каждого из нас, и за всю церковь, и за всех людей на небесах через Христа во Святом Духе.

Аминь.

Сила Воскресения

Из слова А.М. Копировского на отпевании Ефросинии-Ларисы Галкиной

Невозможно, даже духовно зная, что такое Воскресение (а каждый из нас это уже в какой-то мере знает, иначе мы не были бы христианами), не скорбеть, когда мы видим усопшего, тем более – не вообще усопшего человека, а человека нам всем родного. Ведь это наша частичка, наша сестра по вере, по духу, а это больше, чем по плоти и крови. Наверное, особая печаль охватывает нас в эту минуту не только потому, что мы разлучаемся с ней, а ещё и потому, что каждый, думаю, в некотором смысле видит на этом месте себя. Мы понимаем, что и для нас придёт это время. И мы чувствуем: смерть – это, конечно, враг. Смешно утешать себя смертным покоем, тем, что «все там будет», и вообще – всё так и было задумано, что это «закон природы». Нет! Христос

боролся со смертью всей Своей жизнью. И победил, но через Свою смерть. Вот так же и мы: проходим смертные узы для того, чтобы дать возможность Христу нас поднять.

Ещё при жизни в нашей сестре Ефросинии эта сила Воскресения уже была. Она – самый немогущий сосуд в нашей первой общине, самый хрупкий. Ведь она была в ней самым пожилым и ещё, к тому же, очень больным членом. Вы знаете, что после перелома шейки бедра она прожила много лет, мало передвигаясь. Поэтому она была объектом нашей заботы, но, одновременно – одним из укрепляющих звеньев общины. А ещё – знаком победы Божьей в её духе, душе и теле уже сейчас. Потому что в ней не было ропота, хныканья, сетования на случившееся: «ну, почему же мне такое?». А немощи и

грехи, которые, конечно, тоже у неё были, они куда-то ушли, потому что они расточаются, истаявают в пламени милосердия Божия. И знаком этого служит уже то, что мы сейчас об этом молимся. Не думайте, что только после того, как мы закончим, Господь будет «думать», а потом решит, прощать её или не прощать. Повторюсь: уже факт нашей единой молитвы в любви – знак Его прощения. И знак Его победы.

Я только что приехал с погребения отца Павла Адельгейма, зверски убитого, что называется, на своём боевом посту: он открыл объятия человеку, который его потом и убил. В этом злодеянии много непонятного, а не только мрачного и тёмного – но не в этом дело. Было ощущение, что хоронят бойца, который погиб на поле битвы, но победил. Было, конечно, и ощущение страшной потери, все об этом говорили – и светские люди, и церковные. В церковном теле зияет после его ухода большая дыра, которую ничем не заполнишь, не только во Пскове – во всей русской церкви. Ушёл человек космического масштаба. Но было ощущение, что хотя война продолжается, победа в чём-то важном уже есть.

Когда после этого смотришь на нашу сестру Ефросинию, видно, конечно, что она – не тот боец, который борется против превосходящих сил противника и побеждает. Но всё же и в ней что-то подобное совершилось, потому что она в своей жизни стяжала, в свою меру, дух мирный. И ещё – она раскрылась как художник. Она уже была состоявшимся художником, когда только начинала свою деятельность, об этом говорили и её коллеги по цеху. Ещё в 1950-е годы она делала такие вещи, которые может сделать только зрелый мастер. Но она не остановилась на этом, не стала повторять свои находки, она всё время искала новое – и находила, что очень важно. Когда же художник присоединяет к своему творчеству иконопись – это прорыв. Но обычно при этом художник оставляет своё прежнее занятие, свою прежнюю манеру и занимается иконой. Или наоборот: если он был иконописцем, то бросает иконопись и пишет теперь картины. А она в своей душе и в своём хрупком маленьком теле смогла это соединить, о чём тоже свидетельствовали самые разные люди.

Вспомните, сразу после восьмидесятилетия открылась её персональная выставка. Казалось бы – достойный

финал творчества. Я звонил ей потом и спрашивал, что она делает? – Пишет розы, пишет портрет Аверинцева. Нет остановки: плоть немощна, а дух бодр. И её жизнь в физической слабости, немощи, но и в таком вот сильном духе – ободрение нам всем. Пусть мы не имеем таких талантов, особого, большого дара. Но и дары, которые есть у каждого из нас, нуждаются в постоянном обновлении, в поиске и нахождении нового. Нельзя всю жизнь только искать и ничего серьёзного не найти, это пустая жизнь. Нельзя всю жизнь молиться и не получить ответа. И так же нельзя верить во Христа и не обрести Воскресение, уже при жизни, хотя бы отчасти. Не в плоти, которая истлеет, а в той сердцевине человека, которая, безусловно, бессмертна, потому что это его дух. И в нём как бы отпечатлевается, сохраняется и образ его души, и образ его тела, проявляется и сохраняется его «икона», которая в воскресении будет явлена Богом во всей полноте.

Когда мы молимся об упокоении кого-то и поём «со святыми упокой» – это великое дерзновение. Со святыми не может упокоиться грешник, со святыми может упокоиться только святой, в этом смысл песнопения. К сожалению, иногда кажется, что церковь как будто забыла о своей первой любви и первой силе, когда каждый человек, уверовавший во Христа и живший по-христиански, уже считался призванным святым. А когда он умирал, ему писали на плите в катакомбах: «такой-то покоится в мире». В мире, который больше, чем мир сей (по-русски эти слова звучат одинаково, но они разные). К сожалению, церковь потом перешла к прославлению только великих святых, самых значительных, всем известных, всеми почитаемых, и в этом смысле – недостижимых. Но нам нужно вспоминать первую любовь. Когда человек, достойно, во Христе, в мире проживший жизнь, упокоится, церковь дерзновенно поёт о нём: «со святыми упокой его, Господи». И в этом смысле почитает как пусть самого маленького, но святого.

Дай Бог, чтобы восставали в церкви и «большие» святые, такие, как отец Павел – человек, живший свято и умерший как мученик. Но и в нашем маленьком, семейном, братском поминовении сегодня мы тоже с дерзновением можем сказать о нашей сестре: упокоившийся в мире пребывает с Богом.

Дай Бог этого и нам!

Аминь.

Последняя большая картина художницы – «В узах»

«Тысячи верующих во Христа ежедневно подвергаются мучениям и пыткам, изгоняются из родных мест, многие принимают смерть»

Заявление глав и представителей Поместных православных Церквей, собравшихся по случаю празднования 1025-летия Крещения Руси

Предстоятели и представители Поместных православных Церквей, собравшиеся в Москве на торжества в честь 1025-летия Крещения Руси, приняли совместное заявление, главной темой которого является положение христиан на Ближнем Востоке. На состоявшейся 25 июля встрече в Кремле текст настоящего заявления был передан Святейшим Патриархом Кириллом от лица присутствовавших Президенту Российской Федерации В.В. Путину.

«Мы, Главы и представители Поместных Православных Церквей, собравшиеся по приглашению Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в Москве на торжества по случаю празднования 1025-летия Крещения Руси, считаем своим долгом возвысить голос в защиту наших братьев-христиан, преследуемых сегодня за веру в различных регионах мира.

Тысячи верующих во Христа ежедневно подвергаются мучениям и пыткам, изгоняются из родных мест, многие принимают смерть.

Сообщения о пытках и убийствах христиан приходят из Нигерии, Пакистана, Афганистана, Индии. В Косово оскверняются религиозные святыни, разрушены многие храмы, а многие люди лишены возможности посещать могилы своих родных и молиться Богу на земле своих предков.

Глубокое беспокойство вызывает ситуация на Ближнем Востоке. Целый ряд стран этого региона захлестнула волна насилия и террора, жертвами которого становятся христиане. Ливия, где христиан почти не осталось, распадается на враждующие между собою племенные образования. Не прекращаются террористические акты в Ираке, где из прежних полутора миллионов христиан осталась лишь одна десятая часть. Все более тревожной становится обстановка в Египте, где противостояние вступило в очередную кровавую фазу и где наблюдается массовый исход

христианского населения. Горе и страдания пришли в семьи тысяч простых людей. Как правило, от разгорающихся конфликтов в первую очередь страдают самые незащищенные слои населения, в том числе этнические и религиозные меньшинства.

В сентябре 2010 года на Кипре состоялась встреча Предстоятелей Церквей Ближнего Востока, на которой была выражена глубокая обеспокоенность в связи с ситуацией в этом регионе и тревога за будущее живущих там христиан. Та же озабоченность была засвидетельствована на аналогичных встречах в августе 2011 года в Иордании, в сентябре того же года в Константинополе и в марте 2012 года на Кипре. Заявление в поддержку страждущих ближневосточных христиан было принято на встрече Глав и представителей семи Поместных Православных Церквей в Москве в ноябре 2011 года.

Особенно трагичным стало сегодня положение в Сирии. В пылу братоубийственной войны происходит массовое уничтожение христиан и представителей иных религиозных групп, вытеснение их из родных городов и сел, из тех мест, где они веками братски соседствовали с представителями других религиозных традиций.

Военизированные группировки не стесняются в средствах ради достижения своих целей. Их радикально настроенные члены все дальше и дальше заходят в своих преступных действиях. Привычными становятся ужасающие сцены насилия, публичных казней, унижения человеческого достоинства и попрания прав личности. Обычным делом стали похищения и убийства людей, зачастую совершаемые из корыстных побуждений. Экстремисты не останавливаются перед оскорблением религиозных деятелей, уважение к которым всегда было характерным для Востока.

Мировые средства массовой информации, как и многие политические

деятели, обходят молчанием трагедию христиан на Ближнем Востоке.

Мы выражаем солидарность с Блаженнейшим Патриархом Великой Антиохии и всего Востока Иоанном X, который не смог разделить с нами радость сегодняшнего торжества, поскольку должен был оставаться со своей паствой в столь трудный для нее момент. Наши молитвы – с ним и с нашими братьями во Христе, которых умертвляют всякий день (Рим. 8:36).

Мы скорбим вместе со всем страдающим народом Сирии. Мы требуем немедленного освобождения захваченных боевиками еще в апреле видных христианских иерархов Сирии – митрополита Алеппского и Искендерунского Павла и сиро-яковитского митрополита Алеппо мар Григория Иоанна Ибрагима.

Мы обращаемся с призывом ко всем враждующим сторонам и к тем, кто способен оказать политическое воздействие на ситуацию. Остановите волну насилия и истребления мирного населения! Наложите мораторий на военные действия, чтобы за столом переговоров была выработана основа мирного урегулирования гражданских конфликтов! Освободите похищенных священнослужителей и других мирных граждан!

Как служители Всесильного Бога, мы усердно возносим молитвы Начальнику мира, Господу Вседержителю, о восстановлении мира и братолюбия на земле Ближнего Востока, о скорейшем возвращении беженцев в родные селения, об исцелении раненых и о упокоении невинно погибших. Да внушит Господь всем вовлеченным в боевые действия сторонам мудрость и добрую волю к их прекращению!»

Патриархия.ru

Быть церковным может и подросток

Традиционный православный лагерь для подростков Преображенского братства становится долгожданным событием. В этом году он вновь проходил в Крыму, который привлекает не только красотой природы, но и историей жизни людей, связанных с этим местом. Лагерь состоял из двух частей: сначала в течение пяти дней ребята небольшими группами были в исторических экспедициях по разным городам Крыма: Севастополь, Ялта, Симферополь, Феодосия, Судак и др. и затем, в оставшиеся пять дней, собрались в общий лагерь.

К тому же в церковном контексте подобные лагеря обретают особое значение для каждого из участников. Для подростков особенно важно осознавать, что реальность христианской жизни наступает не где-то в будущем у взрослых людей или на старости лет, но что по вере можно жить уже сейчас, то есть уже сейчас можно быть церковным человеком. Ольга Синицына, руководитель лагеря, так рассказывает о его целях и задачах:

«Цель подростковых православных лагерей, проводимых Преображенским братством, – научение христианской вере, передача церковной, братской традиции и общение. В этом году наша тема – “Сколько стоит человек? Человек стоит столько, сколько стоит его слово”, поэтому мы с подростками говорили об ответственности, чести, достоинстве, мужестве, аристократизме.

Мы также считаем важным изучение истории России, потому что нужно знать свои корни и не быть “пришельцем” на своей земле. В этом году в лагере акцент был на изучении истории конца XIX – начала XX вв., в том числе на теме дворянского воспитания. Поэтому в общем лагере впервые были ежедневные уроки истории. Таким образом, получилась школа общения, общей молитвы и истории».

Своими мнениями поделились руководитель и помощники подростковых групп.

Алексей Макаров, руководитель подростковой группы: Важно то, что наши лагеря имеют преемственность. Я смотрел на подростков, которые были уже не в первый раз, и увидел, что они стали другими. Младшие видят, что, становясь старше, они могут уже отвечать за других, они сами растут. Лагерь выявляет важные вещи, и становится видно, как человек может дальше двигаться.

Евгения Литвиненко, руководитель подростковой группы: Я

ездил в лагерь в первый раз и поэтому все в нем было для меня новое и удивительное. Подростки – не самые простые люди, и для меня было большим личным открытием, что и лично с каждым, и со всеми вместе возможно открытое, творческое, доверительное и вдохновенное общение. Мне кажется, это было важно и взрослым, и детям. В экспедиции было интересно помогать им обретать навык ответственности, опыт общения, всем нам узнавать друг друга. В общем лагере для меня было важно, что получилось то пространство – церковное, братское, которое подростки смогли вместить в полноте. Общая молитва, встречи, общение, конечно же, уроки истории, которые стали для всех открытием и большим вдохновением, – все это творило ту общую жизнь, на опыт которой, я надеюсь, подростки смогут опереться в дальнейшем.

Александра Смирнова, помощник в группе младших подростков: Такой лагерь – это пространство для того, чтобы возникали глубокие отношения между взрослыми, молодежью и подростками. Но есть и свои трудности, например, пока у нас была экспедиция, стоял вопрос, насколько ребятам в 12-летнем возрасте целесообразно ездить в такие экспедиции, задача которых – погружение в историю. Тем более что рядом с морем многих волнуют другие вещи. Но с нами произошел такой случай: в автобусе мы познакомились со старенькой бабушкой, которая очень много знает про местные усадьбы в Ялте и про их обитателей в прошлом и которая

очень эту память чтит и хранит. И для нее было очень важно, что мы интересуемся тем же самым. И вдруг мы увидели, что дети прониклись этой встречей. Она нас проводила на старое дворянское кладбище, которое уже всё разорено. Понятно, что в музеях они многое пропускают мимо ушей, но эта встреча была для всех важной. И это Божье действие, его никак не предскажешь. Кто мог сказать, что именно в этом автобусе с нами она поедет? Никто!

Мы попросили рассказать о своих впечатлениях некоторых подростков, в том числе и тех, кто впервые побывал в таком лагере.

Что вам больше всего запомнилось? Что было нового по сравнению с прошлыми лагерями? Что показалось самым важным?

Вика Киносян, 13 лет: Я первый раз в подростковом лагере. Для меня самым важным оказалась тема о мужестве. Это тяжелая тема, но она раскрылась для меня. На встрече мы смотрели фильм о митрополите Антонии Сурожском, и мне запомнилась его мысль о любви ко всем, даже когда они, как он говорит, «хотят разорвать тебя на кусочки». И еще о том, что молитва должна быть от сердца и что нельзя ее читать просто как текст из стихотворения. Я привыкла к другим детским лагерям, а этот был какой-то серьезный, здесь все взрослее.

Роман Соколинский, 12 лет: Мне очень запомнилась красота природы,

но также и наша компания, я подружился со многими. Вообще, когда я сюда ехал, я ставил цель усилить веру в Бога, и мне кажется, это удалось... Я думаю, что это удалось потому, что у нас даже в правилах было, что нужно делиться друг с другом, уважать старших и т. п. Все это очень помогает.

Настя Шабаетва, 12 лет: Когда я сюда ехала, я хотела познакомиться с новыми людьми, пообщаться, увидеть Крым... Самым запоминающимся для меня был последний вечер, когда все обменивались впечатлениями и благодарили друг друга. А еще мне запомнился вечер, когда мы были в экспедиции в Судак и на берегу моря читали стихи Аделаиды Герцык и пели песни.

Алиса Лапшина, 14 лет: В этом году наш лагерь оказался, наверное, лучшим из всех для меня. Этот лагерь помог мне возрасти в вере в Бога, помог найти новых друзей и продолжить общение со старшими. Он помог мне найти ответы на многие вопросы, помог узнать историю Крыма и полюбить его. Еще он помог мне увидеть многие красоты этого мира, помог получить заряд счастья, огромное количество впечатлений и эмоций. После всей увиденной нами красоты во время экспедиции начинаешь благодарить Бога за этот чудесный мир. Также хочется благодарить Бога за этот лагерь, за наших старших, за свою группу, за такое прекрасное место, за все хорошее, что там приобрел. Очень жаль, что он закончился, безумно хочется обратно, но все рано или поздно заканчивается, так что остается лишь ждать следующего и молиться Господу о его проведении.

Материал подготовил Дмитрий Дорошко
Информационная служба
Преображенского братства

2 экспедиционные группы на Старом Дворянском кладбище в Кореизе. В центре - Владислава Николаевна Ходоровская.

По местам памяти миссионеров

Крестный ход «По стопам миссионеров алтайских» проходил с 21 по 29 июля 2013 г. по дорогам Республики Алтай по благословению Преосвященного Сергея, епископа Барнаульского и Алтайского, сообщает официальный сайт Барнаульской епархии.

Крестный ход был посвящен 1025-летию Крещения Руси и пролегал по маршруту Майма – Горно-Алтайск – Артыбаш – Телецкое озеро – Балыкча – Коо – Балыктуюль – Улаган. Участники преодолели 152 километра пешком от Маймы до Горно-Алтайска, затем по Чульшманской долине, поднялись на перевал Кату-Ярык и от него – через Балыктуюль прибыли в райцентр Улаган. Кроме того, 78 километров крестный ход шел на катерах по Телецкому озеру.

По словам Владимира Клименко, редактора вестника Барнаульской епархии «Алтайская миссия», руководителем крестного хода все эти годы традиционно является помощник благочинного по работе с молодежью священник Лаврентий Донбай, штатный клирик Преображенского храма Горно-Алтайска. На первом этапе (от Маймы до Горно-Алтайска) крестный ход сопровождал благочинный Горно-Алтайского округа протоиерей Георгий Балакин и клирик майминского храма Сошествия Святого Духа иерей Сергей Башкатов. В Макарьевском храме г. Горно-Алтайска крестный ход встречал его настоятель иерей Павел Богомолов. В Артыбаше – настоятель прекрасного храма в честь иконы Божией Матери «Умиление» иерей Сергей Хивинцев. На участке пути от мыса Кырсай до Балыктуюля – настоятель Пантелеимоновского храма села Балыктуюль игумен Макарий (Чулунов), который прошел значительную часть пути, и благочинный Онгудайского округа священник Павел Тайченачев, который по его собственной просьбе недавно направлен в «медвежий угол» Республики Алтай – райцентр Кош-Агач, где энергично принялся за возведение очередного храма. Часть пути также с крестным ходом шел настоятель Успенской церкви села Чоя священник Алексей Леонтьев, а на финальном этапе крестный ход встречал настоятель Казанской церкви села Улаган священник Георгий Купин.

С интересной беседой об истории Алтайской духовной миссии выступил после ужина в Артыбаше на берегу Телецкого озера при свете костра иерей Сергей Башкатов. Наряду с общеизвестными фактами о том, когда, кем и в каких местах создавалась Алтайская духовная миссия, отец Сергей привел очень интересные соображения о том, что же такое, в сущности, была та православная община, которую созда-

вал преподобный Макарий (Глухарев), апостол алтайский.

Докладчик выделил несколько принципов, которые применял преподобный Макарий в своей работе с местным населением. Первый: работать на родном для них языке. Десять заповедей были переведены на алтайский язык. Также использовался принцип неторопливости, основательности при крещении людей. Так, за 14 лет им было крещено всего 675 человек, то есть за количеством преподобный Макарий не гнался. К слову, в эту цифру вошли лишь взрослые алтайцы. Дети крещеных алтайцев учитывались как обычно крещеные дети православных семей. Очень важен был и такой принцип, как перевод крещеных алтайцев на оседлый образ жизни – совершенно новый для местных жителей. Нужно было жить уже не со своими сродниками по крови, а со своими сродниками по духу. Нужно было дать понять, что подлинное родство – это родство по духу. И нужно было заставить новых братьев во Христе научиться заботиться о других. У каждого новокрещеного должны были обязательно быть два восприемника, которые обязаны были не только помогать ему в духовных вопросах освоения веры, но и помогать материально. Эта община чем-то напоминала первоапостольскую. Принцип апостольской общинности подчеркивался в первом пункте Устава миссионерского общества, где было записано: «Почитаем иметь все общее – и одежду, и материальные средства, и пищу, и послушание: общий труд, общую молитву, общее имущество». В эту первую миссионерскую общину нужно было начать постепенно включать инородцев. К сожалению, в сегодняшней практике Церкви именно этого момента нам и не хватает, подчеркнул отец Сергей. Принимая новых людей в Церковь, мы не делаем их членами какой-то общей семьи, да и сами часто не воспринимаем свое присутствие в Церкви как присутствие в единой духовной семье. Итак, община, которую создавал преподобный Макарий на Алтае, создавалась им как община апостольская. Все миссионерские станы, а их было создано всего три, потому и были немногочисленны, что создавались основательно и надолго. Они, по сути, и стали основными населенными пунктами будущей автономной области и Республики Алтай, и стоят доныне. В 1832 году основывается стан в Майме, примерно на месте нынешней церкви Святого Духа. Одним из первых в 1839 году также основывается Мыотинский стан. В 1842 году закладывается Чемальский стан, который как стан был утвержден позже. Эти первые станы существуют и до-

ныне. Преподобный Макарий все 14 лет практически вынужден был действовать в одиночку. Миссия в этот первый период была крайне малочисленной. Но именно тогда были заложены основные принципы Алтайской духовной миссии.

Не в пример тому в 90-е годы XX века на Алтае высаживались московские десанты и крестили как можно больше людей, не задумываясь о том, что же станет с этими людьми дальше. И где они, эти крещенные? Все же, кого привлек в свою общину преподобный Макарий, сами стали апостолами для остальных жителей. Вся ее деятельность в последующие годы опиралась на самих воспитанников миссии, а не на приезжих. Эти принципы, заложенные преподобным Макарием, свято соблюдались, пока не была разрушена сама миссия в безбожные 1920-е годы.

На втором этапе развития Алтайской духовной миссии последователем преподобного Макария был протоиерей Стефан Ландышев, который вокруг станов создавал православные ячейки, центры, развивал взаимопомощь, помогал семенами, орудиями труда, старался развивать быт, в том числе санитарный. Удалось так поставить санитарную работу, что на территории Алтайской духовной миссии в 60–70-х годах в миссионерских школах практически не было эпидемиологических заболеваний, тогда как в земских школах уровень заболеваний зашкаливал, составляя от 30 до 50 %.

Третий этап – епископский – ознаменовался строительством храмов (с 1864 до 1883 года). Храмы поначалу были небольшие. Но при владыке Владимире (Петрове), епископе Бийском, начали появляться и красивые каменные храмы. К 1916 году в Горном Алтае стояло 95 храмов и молитвенных домов, из них 40 основательных храмов. Много это или мало? Тогда алтайцев жило 34 тысячи человек, сейчас – 70 тысяч, тогда работало 39 священников, сейчас служат 18 священников, а храмов и молитвенных домов в Республике Алтай не наберется и сорока. Было также построено три больницы, а до этого их вообще никогда не было.

Четвертый этап деятельности Алтайской духовной миссии связан со святителем Макарием (Невским). При нем появилось два класса образования: в первом классе алтайцы получали начальное образование, а во втором классе готовили педагогов для Горного Алтая (таких было 5 школ). Обучение велось на двух языках: на алтайском и на русском.

Участник крестного хода Татьяна Романова из Томска отметила одно важное новшество: «Впервые в истории нашего крестного хода организована группа социального служения: оповещение местных жителей о прибытии в их село крестного хода (расклейка

листовок, организация жителей сел для участия в крестном ходе), работа с местным населением (консультация врачей), подвижные игры и творческие занятия с детьми, как местными, так и с детьми участников крестного хода, а также работа киноклуба. Такая задумка появилась давно, но воплотилась только в данном крестном ходе, который с этим все больше и больше по праву приобретает статус миссионерского». Социальная группа в составе примерно 10–15 человек выезжала заранее в Коо, Балыктуюль и Улаган, где и проводила соответствующую работу.

В крестном ходе первоначально приняли участие более 130 богомольцев из Барнаульской епархии, Новосибирской и Томской митрополий, из Москвы, Башкирии, Пскова и других уголков России, а к концу движения их число практически удвоилось. Среди участников – студенты и школьники, предприниматели и журналисты, врачи и учителя, военнослужащие и пенсионеры, труженики села и люди рабочих профессий, представители сибирского казачества. Возраст крестоходцев не был ограничен практически никакими рамками. Самому маленькому Илюше было четыре года, а самой старшей сестре было 77 лет, и она не только бодро шагала вместе со всеми, но по утрам еще делала пробежки, удивляя молодежь своей неутомимой энергией и целеустремленностью.

Ежедневно по пути следования проводились богослужения и молебны, беседы со священниками, читались акафисты, произносились проповеди, работала походная детская воскресная школа (впервые), по вечерам проводились литературные вечера и концерты, был организован просмотр видеофильмов. По дороге к крестному ходу присоединялись местные жители; в основном это были алтайцы, причем рядом со взрослыми шли также и дети.

В конце крестного хода, после Божественной литургии, состоялся теплый душевный разговор. Крестоходцы благодарили отца Лаврентия и других организаторов незабываемого похода-2013. В свою очередь руководитель крестного хода поблагодарил всех, кто нес послушания сигнальщиков с флажками, хоругвеносцев, поваров, пономарей, врачей, трудился в социальной группе, пел на клиросе, работал на погрузке-разгрузке, костровых, теще, киномехаников, исполнителей стихов и песен на литературных вечерах, десятников, фотографов, видеооператора и летописцев. Всё было организовано по-военному четко, учтены накладки и недоработки прошлых лет (в частности, в работе с детьми).

По материалам официального сайта Барнаульской епархии Русской Православной Церкви Портал «Идите, научите все народы»

Проект «Окраины»: как донести до жителей дальних городских районов весть о Христе

Хабаровский Молодежный клуб «Успенцы» при Градо-Хабаровском соборе Успения Божией Матери начнет в сентябре на улицах города миссионерский просветительский проект – «Окраины». Молодые люди будут раздавать прохожим Евангелие с толкованием, а также специальные информационные буклеты с информацией о важности церковных Таинств в жизни крещеного человека и отвечать на вопросы.

Об этом «Церковному вестнику» рассказал клирик собора и духовник клуба священник Андрей Долгополов: «Цель проекта в том, чтобы донести до людей, живущих на удаленных от храмов окраинах Хабаровска, весть о Христе. Многие из них крещены, но, не имея возможности слышать Слово Божие, как никто другой нуждаются в благовестии».

Это не первый проект «успенцев». Два из них уже хорошо зарекомендовали себя – публичное чтение по выходным Евангелия и дальнейшее его обсуждение в Центральном городском парке, а также интеллектуальная игра «Стена Джефа». Участвующим в «стене» прохожим предлагается публично высказаться на острую актуальную тему, например, «Есть ли будущее у Дальнего Востока?», «Существует ли любовь с первого взгляда?», «Однополые отношения – это нормально?», «Верите ли Вы в Бога?», «Должна ли семья быть многодетной?» и др.

Эти молодежные акции привлекают гуляющих горожан, которых затем приглашают продолжить разговор за чашкой чая в храме. «Вскоре эти люди начинают приходить на богослужения, некоторые участвуют вместе с нами в социальной работе (мы опекаем Детский дом)», – сказал отец Андрей. Священник не опасается, что большую группу молодых православных активистов примут за иеговистов или протестантов, потому что ее возглавит православный священник, а у ребят в руках будут баннеры и стяги, наглядно показывающие, что здесь собрались представители Хабаровской епархии.

В ближайших планах «успенцев» создание своей профессиональной видеостудии и подготовка фильмов о молодежных проектах.

«Церковный вестник»